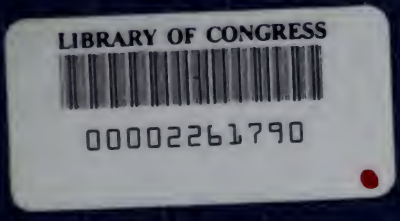
PG 3321
.B83 N4



C340
.A67

Неопытная Муза.

А. Б.

Лира спасла меня отъ потопленія.

Бунина, Анна Петровна

НЕОПЫТНАЯ МУЗА

АННЫ БУНИНОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Шнора, 1809 года.

Подарена Анне Львовой Жадимовской
С. Р. Державиным
1809 31 Октября

PG3321
.B83 N4

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

104837
'07.

190085

ЦИКЛОПЪ.

Идиллія.

(Вольной переводъ Θеокрита).

Любовь! всесильная любовь, гдѣ средства въ мірѣ,
Могущія твой ядъ изъ сердца истребить?
Ихъ нѣтъ .... законъ судебъ: томиться и любить;
Но таинство у Музъ сокрыто въ стройной лирѣ,
Пѣвая страсть, ея жестокости смягчать.
Люби — и пой, чтобъ менѣе страдать.

Такъ Полифемъ, Циклопъ нещастный,
Съ свирѣлью соглася свой голосъ страстный
Уединясь отъ всѣхъ, любовь свою пѣвалъ.
Свирѣпый рокъ ему, къ напасти, предписалъ
Во цвѣтѣ лѣтъ своихъ увидѣть Галатею,
Прелестную изъ Нимфъ морскихъ ближайшихъ водъ,
И сердце мирное воспламенилось ею ....
Текутъ дни — мѣсяцы — проходитъ годъ:
А Полифемъ живя одною страстью
Забылъ себя, друзей;

Спокойно предаетъ стада свои ненастью
И люпостпи лѣсныхъ звѣрей.
Не розы для него любовь приготовляла,
Не мирповы вѣнки въ награду мукъ сплетала;
Но терніемъ свила его нещастны дни,
Но адскимъ Фуріямъ подобно, духъ терзала,
И вздохи вѣчные готовила одни.
О Полифемъ! ужель отчаянье, напасти
Удѣлъ чувствительныхъ? Ужель перемѣнять
Не льзя суровой части?
Не льзя .... но Полифемъ умѣлъ ее смягчать.
Отъ утра ранняго до позднія Авроры
Вперя унылые на море взоры,
Какъ будто стражъ его, вседневно онъ сидѣлъ,
На каменныхъ верьхахъ высокаго утеса,
Нося въ груди стрѣлу, месть злобной дщери Зевса,
И такъ свои страданья пѣлъ:

О ты, прелестная! краса и чудо свѣта!
Которой милыя уста алѣй
Пылающей зари средь лѣта,
Которая сыровъ моихъ бѣлѣй,
Нѣжнѣй ягнятъ, тельцовъ быстрѣй,
Рѣзвящихся подъ тѣнью лѣса,
И непреклоннѣе кремнистаго утеса.
Люблю тебя .... а ты меня бѣжишь,
Бываешь здѣсь, какъ сонъ глаза мои смыкаетъ,
Едва проснусь, къ волнамъ спѣшишь.
Сполъ агнца робкаго волкъ хищный не смущаетъ,
Какъ я тебя собой пугаю всякой разъ.
Увы, жестокая! еще въ тотъ самый часъ,
Когда ты съ матерью моею приходила

На этотъ холмъ вѣнки изъ гіацинтовъ вить,
Еще тогда меня краса твоя плѣнила;
Я провожалъ тебя — взглянулъ — и сталъ любить.
Умру не измѣнясь .... а ты пренебрегаешь ....
Но что безчувственной?... ты жалости не знаешь,
И вотъ за что моя отвержена любовь,
И вотъ причина вся столь жребія дурнаго,
Что чрезъ чело мое, отъ уха до другаго,
Проходитъ длинная щетинистая бровь,
Подъ коей глазъ одинъ — а надъ губами
Нависъ широкой носъ, въ томъ вся моя бѣда.
Но съ сими малыми красами,
Послушай, я пасу несчетныя стада,
И въ каждое годично время
Пью сладкое млеко — ѣмъ вкусные сыры;
Всѣ кошницы мои погнулися отъ бремя,
Къ тому жъ имѣю я природные дары,
Могу не лживо похвалиться,
Что ни одинъ Циклопъ со мною не сравнится
Пріятностью въ свирѣль играть;
Не рѣдко мнѣ тебя случалось воспѣвать,
Средь мраковъ ночи темной.
Я для тебя кормлю одинадцать ягнятъ,
Волной покрытыхъ испещренной,
И четырехъ еще питаю медвѣжатъ.
Приди, прелестная, въ сей гротъ уединенной
Принять изъ рукъ моихъ готовые дары;
Пускай о каменья отвесистой горы
Яряся волны ударяютъ,
Ни что уже тогда твой не смутитъ покой.
Сей гротъ, украшенный природою одной,
Со всѣхъ сторонъ деревья осѣняютъ.

Гдѣ лавръ растетъ, гдѣ плющъ, гдѣ зрѣетъ виноградъ,
Гдѣ кипарисъ благоухаетъ;
А гдѣ для нѣги и прохладъ
Божественно питье спруяся истекаетъ
Изъ бѣлыхъ, Этною растопленныхъ снѣговъ;
Всѣ ручейки мои воды той полны.
Ужели симъ мѣстамъ, достойнымъ и боговъ
Кто можетъ предпочесть морскія волны?
Когда жъ тебѣ чрезъ чуръ косматымъ я кажусь,
Неугасаемый подъ пепломъ огнь имѣю,
Иль, мыслишь, оробѣю?
Скажи, о милая! — на все рѣшусь....
Хотя бы ты сей глазъ единственной, безцѣнной
Сожгла въ забаву для себя,
Я всяку жертву для тебя
Почту — бездѣльной.
Ахъ! для чего мнѣ рокъ свирѣпый не судилъ
Родиться съ жабрами: тогда бъ съ тобою былъ;
Тогда бъ не знавъ разлуки горя
Послѣдовалъ тебѣ въ средину моря,
И сталъ бы тамъ твои я руки цѣловать,
Когда бы лобызать уста ты возбраняла;
Ты бъ все изъ рукъ моихъ единыхъ получала:
То бъ иногда тебѣ цвѣтистый макъ досталъ;
То бы принесъ душистую лилею.
Я знаю, къ горести — и прежде зналъ,
Сколь море мило вамъ прохладою своею;
Но только бы пловецъ къ брегамъ моимъ присталъ,
Въ минуту плавать научуся,
И болѣе съ тобой во вѣкъ не разлучуся.
Приди ко мнѣ, приди, безсмертныхъ Нимфъ краса!
Приди, чтобъ позабыть клубящіяся воды:

Какъ я — узнавъ тебя — съ того жъ часа
Забылъ весь міръ, и не ищу свободы ...
Приди со мной моихъ овечекъ охранять,
Мы станемъ вмѣстѣ сыръ съ тобою выжимать;
Съ любящимъ, милая, мѣлькаютъ годы ...
Тебя, жестокосерда мать!
Тебя въ своихъ бѣдахъ я долженъ упрекать;
Тогда какъ отъ любви я сохну — увядаю —
Ты знаешь и молчишь,
И въ Нимфѣ жалости ко мнѣ не поселишь.
Страдай, жестокая, когда и я страдаю;
Скажу тебѣ, что я готовлюсь умирать,
Что голова болитъ, что не владѣютъ руки,
Что будто на ногахъ не въ силахъ устоять;
Пускай и ты со мной мои раздѣлишь муки.

О! ты, Циклопъ, Циклопъ, игра судьбины злой,
Что сталося съ тобой? — гдѣ дѣлся разумъ твой?
Ты щастливѣе былъ въ своихъ трудахъ вседневныхъ,
Начни кормить ягнятъ, начни корзинки плесть;
Не лучшель то любить, что есть,
И не мрачить тоской часовъ уединенныхъ,
Чѣмъ каждый мигъ тебѣ гоняться за мечтой,
Которая тогда жъ — мгновенно улетаетъ?
Какъ знать, гдѣ щастіе! ... быть можетъ, что съ другой
Оно Циклопа ожидаетъ.
Такъ! гордая! и мнѣ случалось замѣчать,
Что Нимфы сельскія хотятъ со мной играть,
И глядя на меня, съ пріятностью смѣются;
Ихъ также строенъ станъ — ихъ также кудри вьются,
Съ такою жъ легкостью мѣлькаютъ на холмахъ,
Почти есть столько же пріятности въ устахъ;

Почти тебѣ во всемъ подобны красотою:
Такъ видно, что и я чего нибудь да стою!
Къ чему жъ мнѣ вѣрное на мнимое мѣнять,
И — непреклонную любя — томиться?
Опомнись, перестань за призраки страдать ....
Нѣтъ! лучше съ жизнію, чѣмъ съ ними разлучиться.

Такъ страсть свою Циклопъ питая воспѣвалъ:
Равно любилъ; но менѣе страдалъ.

Л И В І Я.

Идиллія.

(Переводъ).

КАМИЛЛА.

Что дѣлаешь ты здѣсь, съ открытой головою,
На солнечномъ жару — одна — томясь опять зною,
Средь камней и песковъ?

ЛИВІЯ.

Ломаю сей утесъ.

КАМИЛЛА.

Не видишь ли, что онъ касается небесъ,
И весь изъ мрамора?

ЛИВІЯ.

Все вижу — и ломаю.

КАМИЛЛА.

Что сдѣлалъ онъ? — за что? ...

ЛИВІЯ.

Себя караю.
Тогда какъ Эзилай бѣды мои узналъ,
Презрѣлъ — стенаніемъ и горестьми игралъ;

Съ душею полною любови и напасти,
Томясь въ мученіяхъ нещастной, лютой страсти,
Я потерявъ весь умъ, скиталась въ сихъ мѣстахъ,
И ложь отчаянну сплетая на устахъ,
Сказала: — „Ливія не любитъ Эзилая,
Не думаетъ о немъ — мила ль ему другая —
Аминта ль, Дафна ли, мнѣ все теперь равно;
Спокойствіе свое я берегу одно.“
Тутъ эхо между горъ, слова мѣ повторяя,
Твердило: *Ливія не любитъ Эзилая*! ...
Тогда съ улыбкою прилегши на утесъ,
Внимала я, какъ гулъ слова мои понесъ
Въ деревни, въ города, въ окрестные предѣлы,
И мня исторгнуть мѣмъ вонзенны въ сердце стрѣлы,
Я льстилась, что могу съ словами разлюбить,
Могу окаменѣть — напасти прекратить.
Я льстилась — и лице веселіемъ покрылось;
Но пламя лютое въ груди моей таилось:
Палитъ ее .... и ахъ! не гаснетъ отъ рѣчей! ...
Весь адъ съ любовію ношу въ груди я сей.
Вчера мнѣ Сильвія сказала, здѣсь гуляя:
„Похвально, что любить не хочешь Эзилая!
„Пастушки нашихъ странъ твердятъ между собой:
„Возможно ль то любить, что губитъ нашъ покой?
„И Эзилай не богъ — подруга справедлива ....“
Нѣтъ, Сильвія! нѣтъ, нѣтъ! подруга ваша лжива.
Гнушаюсь клеветой, хочу ее открыть,
Чтобъ съ истинной себя и съ вами примирить.
Не богъ онъ .... но ужъ ли равны ему *Тирсисы*,
Меналки, *Дафнисы*, *Милоны*, *Алексисы*? —
Знай, Сильвія! — любить его и перестать
Есть тоже для души, что жить и не дышать.

„Такъ эхо въ сихъ скалахъ насъ всуе обольстило?"
Оно вамъ ложныя слова лишь повторило.
Иду сей часъ его за то отсель изгнать;
Въ себѣ отмстить обманъ, съ нимъ вмѣстѣ пострадать.
И вотъ ужъ двѣ зари здѣсь Ливія встрѣчаетъ,
Дыханьемъ пламеннымъ утесы согрѣваетъ;
А камни цѣлы всѣ .....

КАМИЛЛА.

Но не рукѣ твоей,
Нещастна Ливія, свершить трудъ тяжкій сей,
Умрешь .... и жизнь твоя во цвѣтѣ прекратится ....

ЛИВІЯ.

А съ ней минетъ напасть, престанутъ слезы литься.

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ.

(Переводъ).

Въ одной прелестнѣйшей изъ милыхъ Фебу странъ,
Между яворами — гдѣ лавръ, гдѣ миртъ, каштанъ
Мѣшаютъ запахъ свой съ лимоннымъ, ананаснымъ;
Гдѣ самородные въ верхъ водометы бьютъ;
Гдѣ воды свѣтлыя по янтарямъ текутъ;
Гдѣ эхо блѣдное унылымъ гласомъ, страстнымъ,
Лишь арфъ невидимыхъ и лиръ звукъ вторитъ .... тамъ
Съ начала міра былъ, какимъ-то зодчимъ чуднымъ,
Перуну грозному построенъ пышный храмъ,
Средь мраморныхъ столповъ, со тропомъ изумруднымъ.
Туда печальная Линдана путь нашла:
... Одна съ нещастіемъ пришла.

Спустилась ночь, рукои на землю сыпля сны;
И свѣтъ каплящейся по яхонтамъ луны
Проникъ сквозь мрачные, высокіе яворы;
На мрачное лице стоящей дѣвы палъ,
На подняшые вверьхъ отчаянные взоры;
И въ каплѣ какъ росы, въ слезѣ ея игралъ;
Склоняясь на помостъ, потомъ скользнулъ вдоль брега
Чрезъ чистый ручеекъ, гдѣ ванны Нимфъ стоятъ,
Рубина алаго, подъ тѣнію гранадъ,
Чрезъ куполъ золотой и тамъ бѣлѣйши снѣга
Онъ мраморны столпы лучемъ своимъ бѣлилъ:
Въ себѣ самомъ и въ нихъ свѣтилъ.

*

Опъ храма въ двухъ шагахъ, туманами покрытый,
Какъ черной мантіей, мужъ лѣтами маститый,
Приставя перстъ къ устамъ, задумчиво сидѣлъ.
Нескромность, буйство, шумъ у ногъ его въ печали,
Цѣпями скованы, томились и молчали:
Опъ перста грознаго языкъ ихъ онѣмѣлъ.
Близъ свѣтлаго ручья у корней пальмъ вѣтвистыхъ,
На грудѣ книгъ дремалъ голубоокій богъ;
И девять сестръ вія вѣнки изъ лавръ душистыхъ
Хранили спящаго. Три Граціи у ногъ,
На лиру опершись, блюли ее въ молчаньи:
Надъ мѣстомъ шѣмъ носилися сіянья.

Вдали мелькала тѣнь, какъ будто изъ паровъ,
Чуть легкою стопой касаяся луговъ;
Безъ шороху, тайкомъ весь островъ обтекала,
Прикрытая едва хламидою одной,
Съ копьемъ при поясѣ, съ мерцаньемъ надъ главой:
Въ одной рукѣ вѣсы, въ другой огонь держала.
По ту страну рѣки, на высотѣ холмовъ,
Фортуна облегшись челомъ на Рогъ алмазный,
Страшася близкаго присутствія боговъ,
Какъ строгій судія, правдивый, безпристрастный,
Готовила дары по качествамъ людей:
Повязки не было на ней.

*

Безсмертными полны тѣ были всѣ предѣлы;
Вездѣ разкиданы колчаны, шлемы, стрѣлы.
На лиліяхъ, а гдѣ на розовыхъ кустахъ,
Съ улыбкой кроткою Амуры почивали.
Зефиры рѣзвые прохладу къ нимъ свѣвали,
Лѣтая утомясь, на алыхъ ихъ устахъ,
И въ свѣтлыхъ локонахъ безпечно отдыхали;
Спускалися на грудь, еще смѣлѣе ставъ,
Въ ихъ пламенныхъ сердцахъ біеніе считали.
Но сей, всеобщаго молчанія уставъ
Вдругъ стономъ прерванъ былъ молящейся у трона;
Всѣ боги отъ того вздрогнули стона.

„О ты, котораго едино мановенье,
Линдана начала, мірамъ даетъ движенье;
Который бросивъ взглядъ, имъ солнцы засвѣтилъ;
Драконамъ, кроликамъ, зміямъ и мнѣ влилъ душу;
Связалъ невидимымъ узломъ моря и сушу,
И въ мрачномъ хаосѣ стихіи раздѣлилъ;
Облекъ несчетныя планеты атмосферой;
Провелъ рукой черту, велѣлъ имъ течь по ней,
И держишь тяжесть ихъ тебѣ извѣстной мѣрой;
Желаньемъ лишь однимъ и волею своей
Творишь міры — попомъ въ ничто ихъ обращаешь:
Громами смертныхъ поражаешь.

*

„Который грозенъ, благъ — и строгъ, и милосердъ;
Бросаешь молніи, и избавляешь бѣдъ!
Внемли! ....." Тутъ грудь ея три раза сотряслася,
И тяжкій вздохъ, какъ громъ, во сводахъ загремѣлъ.
Фортуна сильная вдругъ съ мѣста поднялася;
Дохнулъ Борей — испокъ взмутился, закипѣлъ;
Плеснули изъ воды Наяды и Тритоны;
Поднялъ главу Дельфинъ, Сатиръ отъ сна вспрянулъ;
Разнесся гулъ въ горахъ — молчанья богъ вздохнулъ;
А лира издала сама собою звоны.
Ѳемида на вѣсы взглянула съ быстротой:
Свѣшочъ ко храму устремила свой.

„Внемли мольбѣ моей, Линдана продолжала,
Просперла къ небу взоръ, и на колѣна пала:
Не вѣчной юности, не долгихъ жизни лѣтъ
Просить я притекла у твоего здѣсь трона,
Молю .... пролей любовь ты въ душу Аріона;
Смягчи суроваго — и сердце дай ..... Ахъ! нѣтъ! ....
Пусть будетъ онъ, какъ былъ — ему ль перемѣняться?
Пускай и грубость чувствъ останется при немъ;
Ни съ гордостью его я не хочу разстаться;
Хочу его принять за образецъ во всемъ;
Хочу, чтобъ самые пороки Аріона
Служили вмѣсто мнѣ закона.

*

„Едва Пигмаліонъ умъ страстью омрачилъ,
Ты для безумнаго статую оживилъ;
Чрезъ Леду рѣкъ: *я жизнь даю не для мученья.*
За что же я, о Дій! не жизнь вкушаю, адъ?
Ахъ! сжалься, премѣни судебъ опредѣленья,
Иль смерть ко мнѣ пришли, возьми свой даръ назадъ.
Жизнь пагуба въ бѣдахъ. — Тронись моей тоскою,
И благости своей примѣръ на мнѣ яви; —
Скажи: *я внялъ тебѣ, для щастія живи*;
Не льзя того .... пусть гробъ насъ примиритъ съ судьбою.
Когда томится духъ, тогда постылъ весь свѣтъ:
Нещастному и рай жилище бѣдъ.

„Ты въ тайные сердецъ изгибы проникаешь,
И смертныхъ слабости въ душахъ у нихъ читаешь;
А кто ихъ чуждъ? .... и тотъ, кѣмъ вяну и томлюсь,
Чей взоръ одинъ судьбу мою опредѣляетъ,
Природу для меня мертвитъ и оживляетъ,
Кому, какъ моцному я божеству, молюсь,
И тотъ, какъ ни великъ .... а все имѣетъ страсти.
Прошу тебя, Перунъ! устрой меня по нимъ.
Тебѣ ль, который все въ своей имѣешь власти,
Тебѣ ли дивно то? — Коснись жезломъ своимъ —
И ядъ въ груди моей прелитанетъ разливаться:
Въ блаженство скорби превратятся.

*

„Когда химерами прельстился Аріонъ,
Свѣтящей пыли блескъ, призракъ, металла звонъ
Въ припадкахъ разума всему предпочитаетъ;
Съ богатствомъ лишь однимъ находитъ щастье, миръ;
Когда душа его лишь злату цѣну знаетъ:
Сей призракъ и моей тогда души кумиръ.
Едема не хочу въ селеніяхъ небесныхъ;
Сію царствъ земныхъ хочу во власть я получить,
Чтобъ скипетры отъ нихъ рукѣ его вручить.
Прошу — дай силу мнѣ тогда волшебствъ чудесныхъ,
Презрѣнну грязь — прахъ ногъ преобращать въ металлъ;
Кремни въ жемчугъ, въ алмазъ, въ опалъ.

„Коль любитъ Аріонъ лишь прелести наружны:
Прошу одной красы: — богатства мнѣ не нужны.
Зажги во взорахъ огнь, устамъ улыбку дай,
Въ лицѣ, по коему теперь ліются слезы,
Въ лицѣ лилеи брось, вмѣшай въ нихъ свѣжи розы,
И пепельны власы кудрями раскидай;
Станъ, ростъ, походку, гласъ: красы всѣ знамениты
Прелестныхъ трехъ богинь во мнѣ соедини;
Да яблоко Парисъ отнявъ у Аѳродиты,
Съ почтеньемъ мнѣ вручитъ. — Какъ Фебовъ лучъ во дни
Мрачитъ блескъ звѣздъ, луны, такъ я красой своею
Затьмила бъ смертныхъ и Психею.

*

„Когда онъ холоденъ къ заразамъ красоты:
Когда за славою парятъ его мечты:
Хочу ума . .. хочу быть чудомъ совершенства,
Вселенну изумить, царямъ давать законъ,
Быть тѣмъ, что есть теперь — и взглядомъ рушить тронъ,
Быть тѣмъ, что есть теперь — и избѣжать равенства;
Хочу вдругъ все имѣть: Премудрость, слова даръ;
Хочу вдругъ всѣхъ привлечь къ себѣ на поклоненье,
Не таинствомъ волшебствъ— не средствомъ темныхъчаръ,
Но силой разума. — Услышь мое моленье!
Клянусь, не обращу во зло щедротъ твоихъ:
Губить не стану даже злыхъ.

„Тогда, какъ дальнія страны, иноплеменны
Воздвигнутъ мнѣ въ хвалу пирамиды нетлѣнны;
Какъ Музы для меня вѣнки изъ лавръ сплетутъ;
Созиждутъ съ надписью: *Линдѣ мудрой*, храмы;
Какъ Граціи мой бюстъ цвѣтами обовьютъ;
Какъ гордый воскуритъ мнѣ должны ѳиміамы;
Сложа величіе съ себя, ему скажу:
Смотри, гордецъ! ... и я свою имѣю славу ...
Трофеи, почести присвоила по праву;
Но знай! ... не въ нихъ, въ тебѣ все щастье нахожу,
Чтобъ сдѣлать твой тріумфъ, ищу съвысотъ паденья;
Мѣняю славы дань на униженья.

*

„Но естьли Аріонъ познавъ химеръ тщету,
Не ловитъ, какъ дитя, съ игрушками мечту,
И радости свои береть не отъ искуства;
Когда любовь предъ нимъ не звукъ рѣчей пустой;
Когда душа его не умерла для чувства:
То сердце вѣрное ему мое откpой .....“
Съ симъ словомъ страстная Линдана замолчала,
И руки на груди съ смиреніемъ сложа,
Какъ бы преступница — блѣднѣя и дрожа,
Рѣшенія небесъ безмолвно ожидала:
Но швердь небесная вдругъ тучей обложилась,
Ударилъ громъ, — и Цинтія сокрылась.

КЪ БОГИНѢ СНОВИДѢНІЙ.

(Переводъ).

Всегда на мракахъ возлежаща,
Изъ тучъ имѣющая тронъ,
Быстрѣй крылатыхъ птицъ паряща,
Премѣнна, какъ хамелеонъ!
О, дивная Царица ночи!
Благихъ посланница небесъ,
Мать радости — не рѣдко слезъ! ...
Родитель твой смыкаетъ очи,
Миритъ нещастнаго съ судьбой;
А ты — волшебною рукой
Видѣнья чудны разсыпаешь,
Друзей умершихъ воскрешаешь,
Изъ тартара эдемъ творишь:
Снимаешь съ узниковъ оковы,
Для скудныхъ строишь домы новы,
Раба порфирою даришь,
Румянишь старикамъ ланиты,
Погасшій огнь даешь очамъ,
Ихъ груди грѣешь ледовиты,
Бросаешь кудри по плечамъ;
Для пышныхъ замки созидаешь,
Фарфоры ставишь на столахъ;

На гордыхъ ордена взлагаешь,
Ведешь ихъ къ почестямъ, въ чинахъ.
Подъ часъ вражды рѣшишь и споры,
Мечты намъ кажешь за мечты.
То видъ приемля юной Флоры,
Среди зимы расцвѣты цвѣты;
То умъ присвоишь Астронома;
То свойство изъясняешь грома,
Рисуешь планы небесамъ:
То вдругъ помчишь съ собой — взовьешся,
Превыше сферы вознесешся:
Твоимъ нѣтъ щоту чудесамъ!
Какъ Лета — бѣдства изглаждаешь;
Какъ машинистъ — рукой своей
Новѣйши виды разставляешь;
Берешь всѣ лица какъ Прошей.
Къ тебѣ, любимая судьбами!
Къ тебѣ взываю я мольбами:
Сойди, посланница боговъ!
Обвившись мглою, иль туманомъ,
Спустись къ Леону съ облаковъ;
Со свойственнымъ тебѣ обманомъ
Взлети сквозь сплавни — сквозь замки,
И сонъ его смути видѣньемъ ....
Но чтобъ не устрашить явленьемъ,
Разбрось букеты и вѣнки
Вокругъ *безлѣсного* поспели;
Зефировъ Майскихъ собери,
Вдали вездѣ разставь свирѣли;
Вблизи ручью журчать вели.
Душѣ дай сладко упоенье;
Пошомъ, изгладя обольщенье,

Возьми мой образъ на себя;
Представь *слокойному* меня:
Какъ я — не зная сна отрады,
При свѣтѣ дремлющей лампады,
Съ склоненной объ руку главой,
Ужасны ночи провождаю,
Природы стройность нарушаю
Стенаньемъ, вздохами, тоской;
Какъ я — съ померкшими глазами,
Одна, среди холодныхъ стѣнъ,
Покрыта блѣдностью, слезами,
Не чая горестямъ премѣнъ,
Завидую въ гробахъ лежащимъ,
Спокойно — крѣпко спящимъ ....
Какъ я — между ночныхъ тѣней,
Не сдѣлавъ зла — но какъ злодѣй,
Пустые своды обтекаю,
Упряму Парку умоляю,
И — ахъ! живу, къ тоскѣ своей;
Живу.... чтобъ только вторить стонъ;
Какъ я — постой! ... когда Леонъ,
Хоть разъ одинъ вздохнетъ невольно —
Изчезни, дивная! .... довольно! ...

НАВЫСТУПЛЕНІЕ РОССІЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Вспрянулъ отъ краткія дремоты,
Исчадье зависти — раздоръ,
И адски пробудя работы
Багровый устремилъ къ нимъ взоръ.
Едва взглянулъ — ужъ ядъ питаетъ,
Едва ступилъ — ужъ зло творитъ;
Какъ хищный звѣрь, добычъ алкаетъ,
Какъ хищный звѣрь, всегда не сытъ.
Его Нектаръ: — ручьи кровавы,
Трапеза: — горести и стонъ;
Изъ бѣдствъ черпая забавы,
На трупахъ основалъ свой тронъ.
Топъ мигъ погибшимъ въ жизни числитъ,
Который безъ злодѣйствъ протекъ:
Живу ли я? ... тиранъ сей мыслитъ,
Когда слезъ новыхъ не извлекъ.
Быстрѣе пламя протекаетъ,
Ему подобно все палитъ;
Столицы въ пепелъ превращаетъ,
Искуствъ, художествъ не щадитъ.
Упали зданіевъ Громады;
Не видно въ храмахъ олтарей;

Погасли теплыя лампады,
Возженныя Царю Царей.
Но тигръ не сытъ .... и въ думы мрачны
Свирѣпу душу погрузилъ,
Свои кровавы взоры, алчны
На тихій сѣверъ обратилъ.
Склонясь подъ прочный щитъ Беллоны,
Не слыша бурь внутри и внѣ,
Приемля кроткіе законы,
Вели жизнь Россы въ тишинѣ.
Науки чуждыя сзывали;
Въ искуствахъ, въ знанілхъ цвѣли;
Согласные стихи слагали;
О благѣ внутреннемъ блюли.
Подъ часъ въ забавы погружались,
Изъ чаши пили золотой;
Но звуки трубные раздались,
Россъ внялъ — возсталъ — и всякъ герой.
Всякъ жизнь свою ничѣмъ считаетъ,
Идетъ отечеству служить;
Одинъ къ другому восклицаетъ:
„Не жить — иль жизнь цѣной купить.
„Нашъ лавръ: неколебимость трона,
„Безсмертье: за Россію пасть;
„Щитомъ быть истинны, закона,
„Тиранску обезсилить власть.“
Ни дружбы, ни родства союзы,
Ни даже пламенна любовь
На храбрыхъ не скрѣпляютъ узы;
Семейству вздохъ — отчизнѣ кровь.
Здѣсь нѣгой сладкой воскормленной
Роскошныя Фортуны другъ,

Забывъ о благахъ всей вселенной,
Что онъ отецъ, что сынъ супругъ,
Къ нимъ сердце заперя: „я воинъ,
Подругѣ страстной говоритъ,
Тотъ жизни, щастья недостоинъ,
Кто о себѣ единомъ мнитъ.
Хочу подпорой быть державы,
Хочу врагамъ ужасенъ быть;
Хочу собравъ трофеи славы,
Къ ногамъ МОНАРХА положить.
Когда жъ — сраженъ врага рукою,
Похвальный получу конецъ,
Мой сынъ не будетъ сиротою,
Умру — МОНАРХЪ ему отецъ.“
Сто жизней лучше бы желала
Супруга за него отдать,
Сто разъ сама бъ охотно пала,
Чтобъ каждый разъ его спасать:
Но благу общему внимая,
Тоску свою умѣетъ скрыть,
И чувства долгомъ побѣждая,
Ни даже слезъ не смѣетъ лить.
Здѣсь мужъ согбенный цѣлымъ вѣкомъ
На посохъ облегшись, дрожитъ,
Почти престалъ быть человѣкомъ,
Къ Россіи ревностью горитъ.
Ведомъ сыновъ своихъ сынами,
Къ нимъ простираетъ тихій гласъ:
„Друзья! мой гробъ отверстъ судьбами,
„Но я возобновлюся въ васъ ....
„Свершите старцевы надежды,
„Клянитеся ЦАРЯ любить;

„Спокойно затворю я вѣжды,
„Клянитесь — пасть, иль побѣдить.“
Умолкъ .... Взоръ тусклый обращаетъ
Къ подпорѣ ветхихъ дней своихъ:
„Клянемся, каждый восклицаетъ,
„Не мыслить о себѣ самихъ;
„Служить отечеству не лживо,
„Любовь къ ЦАРЮ хранить въ сердцахъ. —“
Какъ утро Майское красиво
При первыхъ солнечныхъ лучахъ;
Какъ юныя древесны лозы
Приятны свѣжестью листовъ,
Иль какъ полуразцвѣтши розы
Блистаютъ посреди кустовъ:
Такъ юноши красой блистали
Въ Палладинъ облекшись нарядъ,
Сверкающей воинской стали
Свѣтлѣе былъ ихъ ясный взглядъ.
Зарю лѣтъ шлемомъ прикрывая,
Видъ мужества лицу даютъ,
Въ послѣдни старца лобызая,
Безтрепетно на брань текутъ.
О смерть! взгляни, сколь сановиты ....
Взгляни на младость ихъ, красу,
На ихъ румяныя ланиты,
Взгляни — и уклони косу!
Тамъ руки къ ближнимъ простираетъ
Покрытый знаками Герой,
Спустилъ — и сердце не дерзаетъ
Для милыхъ биться подъ звѣздой. —
А тамъ .... но всѣ ль дѣла Геройски
Сыновъ Россіи изчислятъ?

Гдѣ кротость собираетъ войски,
Тамъ нѣтъ желанья измѣнять.
Какъ капли быстрыхъ водъ въ паденьи
Одною правятся волной:
Такъ тысящи въ соединеньи
Одною чувствуютъ душой.
Какъ быстрый водопадъ стремится,
Что встрѣтитъ, истребляетъ вмигъ,
Пайдя оплотъ, шумитъ — крутится,
Оплота нѣтъ — и онъ утихъ ....
Такъ Россъ, въ душѣ неустрашимый,
Зритъ адской гидры алчный зевъ:
Летитъ къ врагу — но палъ богъ мнимый,
И въ агнца претворился левъ:
МОНАРХЪ! почто скудельны силы
Есть общая женъ нѣжныхъ часть?
Почто стуня на край могилы
Я не могу любезныхъ спасть?
Сыновъ Россіи прославляю,
Ихъ жребій благомъ, щастьемъ чту,
Въ тебѣ доброты обожаю,
Душевныхъ качествъ красоту,
И не могу цѣною жизни
Малѣйшихъ пользъ твоихъ купить,
Чтобъ жертвуя собой отчизнѣ,
Иль пасть — или щастливой быть!

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ГРОБНИЦЫ ВЕЛИКИХЪ:
Императора ПЕТРА I
и
Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II
въ Петропавловской крѣпости.

О ты, могуществомъ и славою надменный,
Гордящійся умомъ, иль титлами почтенный!
Колѣна преклони, смирись въ душѣ своей
И пламенной слезой омой сію порфиру.
Здѣсь прахъ покоится великихъ двухъ Царей,
Которые законъ и миръ давали міру.
Премудрость среди Ихъ на свой склоняся щитъ,
Блѣдна, задумчива, стѣсненная тоскою,
Какъ меланхолія, съ поникшею главою,
Вперя на гробы взоръ въ унынiи сидитъ.
Увы! ... что жъ жизнь, когда великіе невѣчны? ...
Что смертныхъ радости? ... мгновенья скоротечны.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО.

Миръ праху твоему! ... о другъ души моей!
Пусть сонъ твой будетъ тихъ, спокоенъ, безмятеженъ!
Ахъ! что теряемъ мы въ прелестной жизни сей?
Мечту!.. ко щастью путь такъ скользокъ, безнадеженъ....
Бѣжимъ за благами — и мысля: *достигаемъ*,
Объемлемъ дымъ пустой; а блага не обрѣтаемъ.

Е Й Ж Е.

Такъ! нѣтъ тебя! ... и та, которая блистала
Способностьми ума, душой и красотой,
Какъ роза ранняя подсѣчена косой
Упала въ прахъ; — и *та* теперь ничто ужъ стала.
Неситесь, жалобы, къ престолу бога .... „стой!“
Вдругъ кроткій, тихій гласъ повѣя, какъ въ зефирѣ,
Мнѣ въ слухъ приятно рекъ: „почто жалѣть о той,
Которой рокъ судилъ обрѣсть темницу въ мірѣ.
Умолкни — и взгляни, какъ тихо я лежу!
Тоска не давитъ грудь — и сердце не страдаетъ:
Оковы спали съ рукъ ... а другъ о мнѣ рыдаетъ!
Тужить ли, что себя мечтами не вяжу?

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Прелестное дитя порхая стопы слышитъ;
Склонилъ изъ мака скипиръ — и вдругъ все тихо стало:
Напастей, горестей, какъ будто не бывало!
Скорбѣть ли, что для мукъ страдалецъ гдѣ не дышитъ?

СУМЕРКИ.

Блеснулъ на западѣ румяный Царь природы,
Скатился въ океанъ — и загорѣлись воды.
Почій отъ подвиговъ! усни, сокрывшись въ понтъ!
Усни! ... и не мѣшай мечтамъ ко мнѣ спуститься!
Пусть юная Аврора веселится,
Рисуя перстомъ горизонтъ,
И къ утру свѣжія готовитъ розы;
Тогда какъ добрый чародѣй,
Разсыпавъ макъ, отретъ нещастныхъ слезы,
Тогда отдамся я мечтѣ своей.
Вдругъ настоящее смѣняя ложнымъ
Изъ дыма храмъ сооружу,
Со щастіемъ союзъ свяжу,
Блаженствомъ упіясь возможнымъ.
Взгляну — и снѣгъ согрѣется въ поляхъ,
Стряхнется иней на кустахъ;
Дохну — и льдины распадутся,
Какъ воскъ, кремни погнутся,
Содвинется смягчась металлъ.
Иль вырвавшись изъ стѣнъ пустынныхъ,
Въ бесѣды преселюсь великихъ, мудрыхъ, сильныхъ:
Усни, Царь дня! тотъ путь, который описалъ,
Великъ и многотруденъ.

*

Откуда яркій лучъ съ высотъ ко мнѣ сверкнулъ,
Какъ молнія, по облакамъ скользнулъ?
Померкъ земный огонь .... о! сколь онъ слабъ и скуденъ!
Средь Сумраковъ блеститъ,
При свѣтѣ угасаетъ . ..
Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой ударяетъ?
Безсмертныхъ ли Харитъ
Отверзлись мнѣ селенья?
Сколь дивныя явленья!
Гдѣ ночь въ окрестностяхъ, а здѣсь востокъ,
Златымъ лучемъ весенняго утра
Мнѣ кажетъ чистыхъ водъ потокъ;
Вдали — изъ перламутра,
Сквозь пальмовыхъ деревъ я вижу храмъ,
А тамъ —
Средь миртовыхъ кустовъ, склоненныхъ надъ водою,
Почтенный мужъ съ открытой головою
На мягкихъ лиліяхъ сидитъ,
Въ очахъ его небесный огнь горитъ,
Чело, какъ утро ясно,
Съ устами и съ душей согласно,
На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнецъ;
У ногъ стоитъ златая лира;
Коснулся — и воспѣлъ причину міра;
Воспѣлъ — и заблисталъ въ твореніяхъ творецъ.
Какъ свѣтъ во всѣ концы вселенной проникаетъ,
Въ пещерахъ мраки разгоняетъ,
Такъ гласъ его во всѣхъ промчавшися мѣстахъ,
Мгновенно пролетѣлъ изъ царства въ царство:
Согнулось злобное коварство,
Разсѣялось невѣріе, какъ прахъ,
Открылись въ будущемъ для скорбнаго надежды,

Разчистился туманъ въ понятіи невѣжды,
И каждый возгласилъ: великъ въ твореньяхъ богъ!
Умолкъ пѣвецъ .... души его восторгъ
Прервалъ согласно пѣснопѣнье;
Но въ сердцѣ у меня осталось впечатлѣнье,
Котораго ничто изгладить не могло.
Какъ образъ проходя сквозь чистое стекло
Единой на пути черты не потеряетъ:
Столь вѣрно истинна себя являетъ,
Изшедъ устами мудреца:
Всегда равно ясна, всегда умильна,
Всегда доводами обильна,
Всегда равно влечетъ сердца.
Пѣвецъ отеръ слезу — коснулся вновь перстами,
Коснулся, загремѣлъ,
И сладкозвучными словами
Земныхъ боговъ воспѣлъ;
Воспѣлъ Великую изъ смертныхъ на престолѣ,
Ея побѣды въ бранномъ полѣ,
Союзъ съ премудростью — любовь къ благимъ дѣламъ,
Награду ревностнымъ трудамъ,
И лиру окропя слезою благодарной,
Во мзду щедротѣ изліянной,
Онъ вновь умолкъ восторгомъ упоенъ.
Но гласъ его въ цѣпи временъ
Безсмертную дѣлами
Блюдетъ безсмертными стихами.
Спустились Граціи, перемѣнили строй,
Смягчился громъ подъ гибкою рукой,
И сельскія послышались напѣвы,
На звуки ихъ стеклися дѣвы.
Какъ легкій вѣперокъ

Порхая чрезъ поля съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Кружится, рѣзвится, до облакъ извиваясь:
Такъ дѣвы юныя сомкнувшись въ хороводъ,
Порхали по холмамъ у тока чистыхъ водъ,
Стопами легкими едва землѣ касаясь,
То въ горы скачучи, то съ горъ.
Пѣвецъ веселый бросилъ взоръ.
(И мудрымъ нравится невинная забава).
Стройна, приятна, величава,
Въ одеждѣ тонкой, изо льна,
Безъ перлъ, безъ пурпура, безъ злата,
Красою собственной богата
Явилася жена;
Въ очахъ пѣвца подъ пальмой стала,
Умильный взглядъ къ нему кидала,
Вія изъ миртъ вѣнокъ.
Звукъ лиры подъ рукой вдругъ началъ измѣняться,
То медлитъ, то сливаться;
Пѣвецъ сталъ тише пѣть — и наконецъ умолкъ.
Пришелица просперла руки,
И мирповый вѣнокъ за сельскихъ пѣсней звуки
Едва свила,
Ему съ улыбкой подала;
Всѣ дѣвы въ тотъ же мигъ во длани заплескали.
Гдѣ я?....
Опъ изумленія къ восторгу преходя,
Спросила я у тѣхъ, которы тутъ стояли?
„На Званкѣ“ со всѣхъ странъ отвѣты раздались,
Постой, мечта! ... продлись!...
Хоть часъ одинъ! ... но ахъ! сокрылося видѣнье,
Оставя въ скуку мнѣ одно уединенье.

ВИДѢНІЕ ДАМОНА.

Увидя нѣкогда Дамонъ
Славнѣйшаго поэта,
Сказалъ въ душѣ своей: уже ли это онъ?
Пожалуй вѣрь всегда пустымъ разсказамъ свѣта!
Кричатъ: поэтъ, поэтъ — а я и оробѣлъ;
Когда жъ поближе посмотрѣлъ,
Тогда нашелъ, что все пустое,
И дальняго ума передо мной въ немъ нѣтъ.
Вся даже рѣчь его сплетенье столь простое,
Что маленькой дитя до слова разберетъ;
А я какъ говорю — такъ врядъ поймутъ большіе;
Съ такою тонкостью, искуствомъ, остротой,
Что умные со мной
Подъ часъ стоятъ какъ бы глухіе!
Такъ что же мѣшкаемъ? начнемъ стихи писать.
Все таинство ихъ въ томъ, чтобъ риѳмы подбирать,
Съ возможнымъ сходствомъ,
И къ слову — на примѣръ — гдѣ встрѣтилось бы: *да*
Сказать: *бѣда*.
Ну—примемся жъ— и симъ столь легкимъ превозходствомъ,
На зло завистниковъ лихихъ,
Въ твореніяхъ себя прославимъ,
Потомству памятникъ оставимъ:
Жить мертвые не перестанемъ въ нихъ.
Всѣ Академіи узнавъ насъ, изумятся!

Но чтобъ съ счастливцемъ симъ сравняться,
Что бъ превзойти его
Ни перьевъ — ни чернилъ — ни рукъ не пощажу,
И слѣдуя ума паренью своего,
На кажду мысль рифмъ сто, иль болѣ, привяжу.
Вся трудность въ томъ, чтобы начать.
О слава лестная! великихъ душъ отрада!
Трудовъ, безсонницы награда!
Сойди мой подвигъ увѣнчать!
Тутъ съ словомъ симъ Дамонъ изъ комнаты уходитъ,
Съ надеждой вѣрною, что онъ уже поэтъ,
Летитъ въ пустой свой кабинетъ,
Гдѣ сутки цѣлые сонъ глазъ его не сводитъ:
Какъ будто бы къ столу прикованъ былъ,
Сидитъ — и пишетъ,
Ни ѣстъ, ни пьетъ, о всемъ забылъ—
Почти не дышетъ,
Боясь тѣмъ *идеи* разперять,
По счастью, главную предосторожность взять
Онъ какъ-то вымышляетъ:
Всѣ двери запираетъ.
Другая ночь — Дамонъ не спитъ —
Сидитъ
Усердно пишетъ
Разсудка голосу не слышетъ;
А сдѣлалъ только двѣ строки ....
И то нечаянно — въ счастливую минуту.
„Почто, — кляня судьбину люту,
„Почто не три имѣю я руки!“
Усталый мой Герой со гнѣвомъ возклицаетъ,
Стирая крупный потъ съ угрюмаго лица.
„Увы! достигнуть до конца

★

„Потребенъ важный трудъ.“ Тутъ бѣдный обвиняетъ....
Кого жъ? конечно не себя:
Бумагу, перья и чернилы,
И славу возлюбя,
Онъ снова напрягаетъ силы.
Но вдругъ приятный нѣкій свѣтъ
Незапно комнату Дамона озаряетъ,
Свѣча угасла — и поэтъ
Чудесъ въ восторгѣ ожидаетъ;
И въ этомъ не ошибся онъ:
Крылатый юноша, прелестной
Съ улыбкой Ангельской небесной,
Имѣя подъ собой изъ облакъ тронъ
Прозрачныхъ, свѣтлыхъ, серебристыхъ
Къ нему спустился наконецъ,
А надъ челомъ его въ власахъ струистыхъ
Изъ яркихъ звѣздъ блисталъ вѣнецъ.
Онъ кротко, мило улыбнулся,
Къ Дамону началъ говорить:
„Узнавъ, что вздумалъ ты поэтомъ быть,
„Олимпъ весь содрогнулся.
„Тебѣ ль Дамонъ, тебѣ ль стихи писать?
„На что читателей ко сну средь дня склонять?
„Ты о безсмертіи мечтаешь ....
„Увы! но въ чемъ же успѣваешь?
„Трудишся для того, чтобъ быть глупцомъ,
„Вралемъ — а не шворцомъ.“
Тутъ слезы полились у автора невольно
А Геній сжалясь рекъ: „наказанъ ты довольно
„Двухъ — суточнымъ трудомъ;
„Къ тому жъ читаю въ сердцѣ я твоемъ,
„Что славы ты отрекся добровольно,

„И ближняго готовъ спасти отъ скуки,
„И такъ я замолчу ....“ Кто ты?
Спросилъ Дамонъ у сей мечты,
Сложа крестообразно руки.
„Пиита Геній я того,
„Котораго въ бреду припадка ты сего
„И въ слабости ума смѣшалъ съ другими;
„Кому ты вздумалъ подражать,
„Кого дерзнулъ съ собою поравнять.“
Мечта отвѣтствуетъ — и съ сими
Словами вдругъ,
При звукѣ арфъ и лиръ невидимыхъ, согласныхъ,
При пѣсняхъ важныхъ, стройныхъ,
Внятныхъ,
Сокрылась отъ него. — „Мой другъ!“
Потомъ раздался гласъ — „не въ томъ поэта слава,
„Чтобы стихи свои тисненью предавать,
„И одъ по десяти всечасно созидать.
„Ахъ! не ищи, Дамонъ, сколь горестнаго права
„Собой забавою другимъ служить.
„Поэтъ — и труженикъ — не могутъ вмѣстѣ быть.
„Онъ риѳмъ, какъ ты искать не станетъ,
„И на перо лишь взглянетъ,
„То сотнями онѣ садятся на него:
„Не онъ ихъ рабъ — онѣ рабы его.
„Для слова мысли онъ во вѣкъ не перемѣнитъ,
„Одну другою не замѣнитъ,
„И слова не пошлетъ туда,
„Куда
„Послать не мѣшитъ, иль не должно.
„Педантовъ не страшась, страшится молвить ложно.“
Тутъ Геній въ воздухѣ злашымъ блеснулъ вѣницемъ,

Дамонъ предъ нимъ палъ ницъ лицемъ,
И въ тожъ счастливое мгновенье
Престави о славѣ помышлять,
Благому Генію, разсудку въ угожденье,
Клялся стиховъ во вѣки не писать.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ АЙЮ. *)

Здѣсь братьевъ двухъ Айю стоятъ изображенья;
Природа братскій въ нихъ ведя дарамъ раздѣлъ,
Дала имъ сходныя способности въ удѣлъ,
И сходныя нашла въ семъ мірѣ назначенья;
Одинъ для зоркихъ глазъ съ предметовъ шускъ снималъ,
Другой слѣпцамъ глаза въ ихъ персты заключалъ.

---

*) Г. Айю, славный Естествоиспытатель, живущій въ Парижѣ, издалъ превосходный Физическій курсъ. Братъ его Профессоръ Айю находится въ Петербургѣ при заведенномъ въ пользу Слѣпыхъ Институтѣ. Онъ обучаетъ сихъ несчастныхъ не только работамъ, музыкѣ, но читать, писать, и разбирать Географическія карты.

БРАТУ МОЕМУ.

Скажи мнѣ, милый Джонъ, кто далъ тебѣ искуство
Всегда равно счастливымъ быть,
Одно и тоже чувство
И въ ясный день, и въ облачный хранить?
Какъ сдѣлалъ ты союзъ и дружбу съ Провидѣньемъ?
Слѣпымъ ли случаемъ, иль хитростью — умѣньемъ?
Природа ничего намъ даромъ не даетъ,
И пошлину на все тройную налагаетъ,
Беретъ, какъ росповщикъ, за все большой процентъ,
Кого душею надѣляетъ,
Велитъ тѣмъ слезы лить — страдать,
Любить чувствительность — и вмѣстѣ проклинать.
Съ тобою жъ у нее совсѣмъ не тѣ разчоты,
Ты душу получилъ исполненну доброты;
А счастливъ — и блажишь судьбу свою.
Всегда такъ веселъ, живъ, какъ пташечка на волѣ;
Но что я говорю?
Одну ли душу?... болѣ.
Едва лишь только ты помыслишь что сказать,
Ихъ съ каждымъ словомъ двѣ мгновенно вылетаютъ;
Одна спѣшитъ въ глазахъ свой вѣчный тронъ занять,
Другая на устахъ — и обѣ вдругъ сіяютъ —
А третію еще передаешь рукамъ,
Когда касался струнамъ,
Перстами гибкими акорды пробѣгаешь,

Согласны тоны извлекаешь,
Какъ мощный чародѣй
Даешь имъ жизнь — языкъ .... дивлюсь судьбѣ твоей!
Чувствительнымъ съ одной бѣда .... съ одной накладно —
А ты съ премя живешь
Безъ ссоръ — раздоровъ — ладно,
И слезъ не льешь.

НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ХЛѢБНИКОВА, *)

Средь сумраковъ нощныхъ — чей слышенъ стонъ унылой?
Чьи вопли, жалобы, рыданья разнеслись?
Увы! то сирые, то бѣдные стеклись,
Горячи слезы лить надъ свѣжею могилой
Того, кто другомъ былъ гонимаго судьбой,
Законы рока кто смягчалъ своей рукой,
Кто скорби страждущихъ цѣлилъ, иль облегчалъ,
Убогимъ былъ отецъ — гонимымъ покровитель.
Судьбы рекли: вопъ гробъ .... и скорбныхъ утѣшитель,
Какъ Майскій гіацинтъ, разцвѣлъ — и въ мигъ опалъ.

---

*) Я никогда не знала сего молодаго человѣка; но много разъ слыхала, какъ прославляли его великодушіе, щедрость, состраданіе и почувствовала желаніе принесть праху его слабую дань должной признательности.

СЪ ПРИМОРСКАГО БЕРЕГА.

(Переводъ).

Свѣтлое море
Съ небомъ слилось,
Съ тихостью волны
Плещутъ на брегъ,
Кроткія зыби
Чушь чушь дрожатъ.

*

Солнце погасло,
Мѣсяца нѣтъ;
Заревомъ алымъ
Западъ блеститъ,
Пѣтицы на гнѣздахъ,
Въ кущахъ спада.

*

Все вдругъ умолкло,
Всѣ по мѣстамъ.
Въ комнатѣ тихо
Шороху нѣтъ;
Дѣти прижались
Скромно въ углахъ.

*

Лина коснулась
Арфы струнамъ:
Арфа златая
Гласъ издала;
Звуки согласны
Съ Линой поютъ.

*

Розовымъ пламемъ
Свѣтитъ каминъ;
Скачетъ по углямъ
Ясный огонь;
Дымъ темносѣрой
Вьется столбомъ.

*

Пламень люпѣйшій
Душу палитъ;
Сердце томится,
Высохло все:
Ядъ протекаетъ
Въ жилахъ моихъ.

*

Слезы изсякли
Въ мутныхъ глазахъ;
Вздохи престали
Грудь воздымать;
Синія губы
Смерзлись — молчатъ.

*

Море, взволнуйся!
Гробомъ мнѣ будь!
Арфа златая!
Громомъ ударь!
Пламя, разлейся,
Бѣдну сожги.

ЮНОМУ ПОЛЛУКСУ.

(Переводъ).

Среди угрюмой тишины
Добычей ставъ тоски душевной,
Какъ яркій блескъ авроры дневной,
Явясь тьмитъ блѣдный лучъ луны:
Такъ ядомъ горести темню свои надежды.
Для радостей сомкнулись вѣжды.

Поллуксъ! мой юный другъ! гдѣ ты?
Тобой рѣдѣетъ мракъ могилы,
Слабѣютъ призраки унылы;
Какъ въ полѣ скошенны цвѣты
Увянутъ — но живутъ небесною росою:
Такъ я, Поллуксъ, живу тобою.

Колико милъ твой кроткій взоръ,
Порука внутренней доброты!
Какъ узника среди работы
Прельщаетъ нѣжный птичекъ хоръ;
Какъ юной сосною Зефиръ шумя, льститъ слуху:
Такъ голосъ твой пріятенъ уху.

Поллуксъ! почто тебя здѣсь нѣтъ!
О! сколь красы соединенной
Въ улыбкѣ зрю твоей я нѣжной!
Какъ утра лѣтняго разсвѣтъ
Не ослѣпляетъ глазъ — но въ душу льетъ отраду:
Такъ ты, Поллуксъ, пріятенъ взгляду.

За чемъ притекъ, послушный другъ! ...
Здѣсь адъ въ моемъ уединеньѣ;
Въ немъ горесть вѣчная — томленье —
Въ немъ фуріи терзаютъ духъ. ...
Нѣтъ! возвратись, Поллуксъ! и пользуйся весною;
Тебѣ ль мрачить себя тоскою! —

Спѣши къ возлюбленной своей,
Спѣши — Камилла за клавиромъ
Поетъ любови власть надъ міромъ;
Любовь тобой знакома ей.
Поетъ — и томный вздохъ изъ груди вылетаетъ;
Слабѣетъ голосъ, изчезаетъ.

Ты внялъ .... и блѣдный цвѣтъ ланитъ
Румянцемъ легкимъ оттѣнился;
Въ нихъ огнь души твоей разлился.
Какъ Сиріусъ во тьмѣ блеститъ,
Такъ кроткіе твои вдругъ взоры засверкали:
Слова раждались, умирали.

Поллуксъ! я не зову тебя ....
Ужасенъ видъ моей темницы!
Сюда — ни даже лучъ денницы
Не проникалъ согрѣть меня,
Отъ хлада стынетъ кровь....не вѣрь! мой умъ блуждаетъ:
Увы! здѣсь пламя протекаетъ.

Гдѣ я? чья видится мнѣ тѣнь?
Прелестна — съ русыми власами,
Одѣта легкими парами,
Свѣтла — какъ Майскій день,
Съ улыбкой нѣжною мнѣ руку простираетъ;
Какъ Ангелъ, съ кротостью вѣщаетъ;

„Оставь мечты своей предметъ,
„Теки со мной въ мои чертоги;
„Печалямъ нѣтъ туда дороги,
„Ни фурій тамъ — ни пламя нѣтъ.
„То божество, кому изъ слезъ приносишь дани,
„Въ вѣкъ не простретъ къ несчастной длани.

„Теки со мной .... нашъ сладокъ сонъ!
„Доколь тебѣ влачить оковы?
„Иль жертвы вымышляя новы,
„Иль горестный пуская стонъ
„Ты мыслишь премѣнить судебъ опредѣленье?
„Увы! удѣлъ твой: заблужденье.“

Рекла .... и скрылась въ небесахъ.
О юноша! то образъ друга,
То нѣжныхъ лѣтъ моихъ подруга
Ко мнѣ спускалась въ облакахъ,
То та, которая бѣды со мной дѣлила,
И ахъ! покой одна вкусила.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ АПОЛЛОНОМЪ И МУЗОЮ БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА. *)

АПОЛЛОНЪ.

Что ты, Муза, безсловесна?
Я за лѣность накажу —
И въ талантѣ откажу:
Ты лишь пѣснями прелестна.
Дай мнѣ лиру — или пой!

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Слабъ отъ глада голосъ мой!
Нѣтъ Амброзіи небесной;
Нѣтъ хламиды на плечахъ;
Хладъ объялъ меня тѣлесной!
Мерзнутъ пѣсни на устахъ!
Персты гибкость всю теряютъ.
Тщетно въ замки прихожу,
Крова въ нихъ не нахожу:
Съ бѣлыхъ крыльцъ меня гоняютъ.

---

*) Его Превозходительство Гавріилъ Романовичъ Державинъ оказалъ въ моемъ присутствіи немаловажное пособіе одному бѣдному стихотворцу, что самое было поводомъ къ начертанію слѣдующаго разговора.

Злато нужно на банкетъ;
Злато нужно и въ боспонѣ:
Музы у вельможъ не въ тонѣ,
Имъ до нихъ и дѣла нѣтъ.
Гдѣ мнѣ пища? .... Гдѣ одежда? ....

АПОЛЛОНЪ.

Замолчи! — О стыдъ! позоръ!
Муза ты — и ты невѣжда! ...,
Нужно ль изъ двора во дворъ
За Амброзіей таскаться?
Иль во прахѣ пресмыкаться
Муза можетъ безъ стыда,
Пыль смепая съ барскихъ крылецъ?
Вамъ покровъ здѣсь мой любимецъ ....

МУЗА БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА.

Кто? Державинъ? ...

АПОЛЛОНЪ.

Да, да, да!
Онъ Амброзіей питаетъ,
Онъ хламидой согрѣваетъ:
Такъ издавна онъ живалъ.

Аполлонъ и не солгалъ.

РАЗГОВОРЪ У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМЪ.

ОБЩЕСТВО.

Какъ время ты могло промчаться столь мгновенно?
Вчера ты тише шло, и тише несравненно.

ВРЕМЯ.

Крыловъ мнѣ крылья далъ,
Тогда какъ басенки тебѣ свои читалъ. *)

---

*) Иванъ Андреевичъ Крыловъ читая въ нѣкоторомъ домѣ свои басни такъ сократилъ время, что я по разположенію своему никуда не успѣла съѣздить.

ПРОХОЖІЙ И ГОСПОДСКІЙ СЛУГА *)

Басня.

Шелъ нѣкто близъ палатъ, черезъ господскій дворъ,
И видитъ, что слуга мететъ въ томъ домѣ сѣни.
Подмелъ — и съ лѣстницы попомъ счищать сталъ соръ:
Но только принялся не съ верхней онъ ступени,
А съ той,
Которая всѣхъ ниже.
Чиста ступень — слуга съ метлой
На ту, которая къ смепенной ближе:
И та чиста.
Слуга мой началъ улыбаться;
„Безъ двухъ, безъ двухъ“—кричитъ съ проста—
И ну за третью приниматься.
Подмелъ и ту — еще убавилось труда:
Глядь въ низъ — нежданая бѣда!
Ужъ чистыхъ двухъ опять не видно изъ подъ сора.
„Экъ! сколько всякаго накидано здѣсь вздора!
Слуга сквозь зубъ ворчитъ, гну спину цѣлый часъ,
А не спорится и съ трудами,
Какъ будто сѣютъ на заказъ.“

---

*) Слѣдующія двѣ Басни удостоились быть представлены Императорской Россійской Академіи.

Пошелъ бѣднякъ обратными слѣдами
Метеное вторично подметать.
Вотъ вподлинну пылинки не видать.
Но только чистота не долго та продлилась,
И нижняя ступень
Опять отъ верхней засорилась.
Слуга сталъ въ пень,
Устанешь по неволѣ,
Разъ десять въ низъ сошелъ, иль болѣ.
Дуракъ! дуракъ!
Прохожій закричалъ тутъ, выдя изъ терпѣнья,
Да ты метешь не такъ.
Ну естьли бы какого гдѣ правленья
Желая плутни изтребить,
Кто началъ напередъ меншихъ тузить;
Сперва бы сторожа, привратныхъ и кописовъ,
Потомъ подьячій родъ, канцеляристовъ,
Потомъ секретарей;
А тамъ-то бы взялся и за судей:
То скоро ли бы онъ завелъ въ судахъ порядки?
Судью подьячимъ не уймешь;
Подьячаго хоть въ трупъ сожжешь,
Судья все станетъ грабить взятки.

ВОЛЪ, ОСЕЛЪ И КОНЬ.

Басня.

Однажды волъ, оселъ и конь между собою
О первенствѣ вступили въ споръ.
Оселъ, вы скажете, то сущій вздоръ!
Уродинѣ такой, и гордостью пустою
Прилично ль мысли надувать?
Но гордость никому, по правдѣ, не подъ стать,
Однако же встрѣчаемъ и межъ нами,
Что голову иной наполня пустяками,
Всѣхъ ставитъ за ничто ....
И даже то
Не только *со умными* — бываетъ *со дураками*.
Итакъ оселъ сталъ утверждать,
Что врядъ полезнѣе его гдѣ приискать.
Тутъ волъ, сколь ни былъ тихъ, умѣренъ,
Но всѣ свои дѣла по пальцамъ разочтя,
Сказалъ: въ томъ цѣлый міръ увѣренъ,
Что всѣхъ полезнѣй я.
Взмахнулъ красивый конь волнистой гривой—
И съ выступкой манежной, горделивой
Молчите! закричалъ ....
Не я ли съ воиномъ побѣды раздѣлялъ?
Не я ли былъ отъ вѣка
Всѣмъ предпочтенъ скотамъ?

Но чтобы въ пустякахъ не спорить намъ,
То спросимъ-те о томъ рѣшеньѣ человѣка.
А человѣкъ какъ тупъ—и не одинъ;
Ихъ трое въ рядъ — и всѣ различныхъ состояній:
Цыганъ, да мѣльникъ, да поселянинъ.
Оселъ, безъ дальнихъ разысканій,
Кто ближе былъ, тому поклонъ:
Пожалуй разсуди: полезнѣй *я*, иль онъ?
О первенствѣ у насъ размолвка межъ собою.
Ты подлинно, сказалъ цыганъ,
Съ пустою головою.
Такой ли складъ коню и образъ данъ,
Какой имѣешь ты, безумная скотина?
На взглядъ онъ сущая картина;
А пользы отъ него .... такъ вдругъ и не сочтешь ....
Нѣтъ, братъ! ты врешь!
Тупъ мѣльникъ закричалъ. Ослиная порода
Полезнѣй всей
Скотины для людей.
Ну гдѣ бы съ мѣльницы намъ ждать дохода,
Когда бъ ослы перевелись? ...
Пожалуй-ста остановись,
Прервалъ поселянинъ, могу на всѣхъ послаться,
Что первенство должно быть отдано воламъ,
И чѣмъ бы намъ
Безъ нихъ питаться?
„Такъ нашъ, сказалъ тупъ конь, напрасенъ трудъ.
Какъ вижу, у людей на все своя причина,
И ихъ пристрастенъ судъ.“
Да польза частная есть общая пружина,
Цыганъ ему въ отвѣтъ;
Не ею ль движется издавна свѣтъ?

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

При посвященіи ему слѣдующихъ I Сказки и III Басенъ.

„Умолкни соловей! спорхни съ высокой ивы —“
Сказала Сперекоза, стрекоча подъ травой,
Пѣвцу гремящему у ней надъ головой —
„Умолкни — перерви раскаты, переливы:
„Послушай пѣсенокъ моихъ,
„Я у тебя перенимала ихъ. —“
Искусные пѣвцы нигдѣ не горделивы,
И то замѣчено, не только средь людей,
Но даже и среди всѣхъ разныхъ родовъ птицы;
Слѣтелъ учтивый соловей
Послушать ученицы.
Экзаменъ кончился: „ну что жъ, изволь сказать —“
Жужжала Сперекоза — „не сходныль наши трѣли? —“
Когда о сходствѣ разсуждать,
Такъ нужно намъ, чтобъ вмѣстѣ мы пропѣли,
Пернатый отвѣчалъ. — „Пусть такъ: начни же самъ. —“
Взвился пернатый къ небесамъ,
И звонкій гласъ его въ ушѣсахъ вторя звоны
Изъ дола въ долъ, изъ лѣса въ лѣсъ
Помчался вихремъ безъ препоны.
Пѣвицынъ Гимнъ изчезъ —

Напрасно крикомъ изтощаетъ силы;
Изчезли всѣ и виды горделивы!

*

Боясь, что сказку въ быль мою ты обратишь:
Тогда пою, какъ ты молчишь.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЗОЛОТО.

Сказка.

Жилъ за моремъ старикъ; онъ не былъ знатенъ,
Провелъ, какъ говорятъ, свой вѣкъ въ глуши;
Но былъ за доброту души
Отъ всѣхъ почтенъ, всѣмъ милъ и всѣмъ приятенъ:
Совѣта ль попросишь, иль съ нуждами, съ бѣдой
Къ нему бѣжалъ и малой и большой,
И всякой отъ него спокойнымъ возвращался.
Онъ не былъ и богатъ, однако жилъ безъ нуждъ;
Бывъ такъ же гордости безумной чуждъ,
За слабость на людей не слишкомъ раздражался,
Умѣлъ отъ ней дѣлить порокъ:
„Найдите, говорилъ, такого, кто бы могъ
„Собой представить совершенство!
„Одинъ горбатъ, тотъ глухъ, тотъ хромъ,
„Другой картавъ; а тотъ съ бѣльмомъ,
„И недостатки ихъ суть общее наслѣдство.
„Природа на пути,
„По коемъ каждому назначено идти,
„Разсыпала различныя каменья;
„Итакъ, чтобъ избѣжать паденья,
„Пойдемъ-те, братцы, мы рука съ рукой. —“
И подлинно онъ то оправдывалъ собой,
Всѣмъ простирая руку:

Съ печальнымъ грусть дѣлилъ, съ унылымъ скуку:
Съ убогимъ серебро; когдажъ копейки нѣтъ;
То давъ по крайности благій совѣтъ,
Утѣшивъ, обласкавъ съ словами лилъ надежду.
Случалось ли найти невѣжду,
Иль вертопраха, иль лжеца;
Съ такоюжъ кротостью, не затѣвая ссоры,
Ихъ просвѣщалъ умы и исправлялъ сердца.
Тамъ прекращалъ семейныя раздоры,
Здѣсь съ юными дѣвицами шутилъ,
Искалъ супруговъ имъ достойныхъ.
Для всѣхъ былъ нуженъ, милъ,
И видѣлъ вкругъ себя однихъ довольныхъ.
Когда-то добрый сей мудрецъ
Нашелъ несмѣтное червонцами имѣнье:
„Вотъ новое убогихъ всѣхъ наслѣдье!“
Найдя онъ вдругъ вскричалъ — но подъ конецъ
Задумался — и взялъ другія мѣры.
„Нѣтъ, лучше деньги пѣ пущу я въ ростъ;
„Войду въ чины, займу хорошій постъ:
„Ужель Министры всѣ, судьи и кавалеры
„Достигли службою высокихъ столь честей?
„Ну много ль бы нашлось на степеняхъ людей,
„Когда бы степени за службу раздавались?
„И Графства съ молотка не рѣдко продавались;
„А просценкой, судейской чинъ
„Бездѣлица! .. куплю и не одинъ!
„Тогда въ достоинствѣ семъ новомъ
„Могу для каждаго я пользу оказать:
„За притѣсненнаго горою стать;
„А сирому служить покровомъ.
„Притомъ — и самъ ужъ сдѣлаюсь не плотъ;

„Не буду никакихъ домашнихъ знать хлопотъ.
„Куплю по большие слугъ, сострою домъ огромный,
„Прибавлю пашней и садовъ,
„И буду въ нихъ владѣлецъ полный. —“
Сказалъ и за десять замковъ
Лыбезные червонцы замыкаетъ;
Когда же снова онъ о почестяхъ мечтаетъ,
Тогда пришли ему сказать,
Что въ праздничномъ нарядѣ,
Какъ по воскреснымъ днямъ по изстари въ обрядѣ,
Крестьяне юные сошлися поплясать
И ждутъ его прихода:
„Какъ будто я живу для нихъ и хоровода!
„Вели однимъ начать.“
Хозяинъ отвѣчалъ и спрятался подалѣй,
Чтобъ лучше жертвой быть заботъ, мечты, печалей.
Потомъ придумалъ онъ
Участокъ золота назначеннаго бѣднымъ
Сложить съ тѣмъ золотомъ найденнымъ;
Но вдругъ за дверью слышитъ стонъ:
То бѣдный былъ изъ ближняго селенья;
Знавъ благость мудреца, пришелъ къ нему
Просить въ напасти вспоможенья.
„Меня, онъ говоритъ, влекутъ въ тюрьму,
„За то, что не плачу оброка,
„Недѣли не даютъ поправиться мнѣ срока!
„Ахъ! сжалься, помоги бѣдѣ моей!
„Скотъ, рухлядь, хлѣбъ — все выпродано въ домѣ;
„Лишь шестеро дѣтей осталось на соломѣ.
„Ей, ей. —“
Нашъ Крезъ сказалъ — „нѣтъ ни единой
„Копеечки наличными теперь.“

Проситель затворяетъ дверь,
Безъ подозрѣнія ко лжѣ постыдной,
Вздохнулъ — и вонъ ушелъ ни слова не сказавъ.
Тутъ сердце у себя богатый отыскавъ
Бѣжитъ къ крестьянину, бросается на шею,
Даетъ сто золотыхъ и кается въ винѣ;
Потомъ собравъ народъ живущій въ той странѣ:
„Друзья!“ имъ говоритъ — „врага я здѣсь имѣю!
„Спасите отъ него! — съ тѣхъ поръ какъ онъ со мной,
„Я сдѣлался ни вашъ, ни свой:
„Душа моя черствѣе камня стала.
„Сей врагъ: куски металла!...
„Пусть всякъ изъ васъ возметъ единую ихъ часть,
„И сердцу моему дастъ прежнее веселье.
„Въ рукахъ у одного, они влекутъ напасть;
„По многимъ разойдясь — приносятъ упѣшенье.“

Излишекъ золота, равно какъ нищеты
Всегда покоя врагъ; не рѣдко правоты.

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ.

Басня.

Когда-то смерть, правительница свѣта,
Къ любимцамъ всѣмъ своимъ отправила указъ:
„Въ такой-то день, въ такой-то часъ
„Собраться вамъ ко мнѣ во адѣ для совѣта.
„Любя отечество, какъ мать,
„Для пользъ его, не ради славы,
„Чтобъ все цвѣло вокругъ моей державы,
„Хочу себѣ изъ васъ наперсника избрать;
„Но не вскружитеся мечтами!
„Сей почести не льзя искать
„Происшествомъ, родомъ, иль чинами;
„Она тому достанется въ удѣлъ,
„Кто славныхъ болѣе въ свой вѣкъ содѣлалъ дѣлъ;
„Кто подвиговъ своихъ покажетъ мнѣ таблицы;
„Чьей болѣе рукой наполнились гробницы."
Прочтенъ указъ — отправился отрядъ;
Бѣгутъ: подагра, водяная,
Завалъ, чахотка, сплинъ, зараза моровая,
А съ ними въ рядъ
Мигрени, спазмы, флюсъ — лихой простуды дѣти.
Всякъ льстится быть наперсникомъ у смерти:
Но смерть на легкую всю сволочь ту
Едва ли обратитъ изволила вниманье.

„Я васъ, сказала имъ, орудіями чту;
„Вы исполняете чужое приказанье;
„Я не машинъ ищу — мнѣ нуженъ машинистъ.“
Пустилося тогда другой породы зелье:
Предсталъ дантистъ, цирюльникъ, окулистъ,
Учитель, ученикъ, езель и подмастерье,
И словомъ, весь почтенный Факультетъ,
Котораго, за грѣхъ, и счету членамъ нѣтъ.
А тамъ пороки всѣ единою толпою:
Злость, зависть, мщеніе съ лютѣйшею войною,
Опустошавшею не рѣдко свѣтъ.
Возвеселилась смерть, взглянувъ на ихъ станицу,
Осклабя синія уста
И подняла изсохлую десницу,
Да перстомъ каждому опредѣлитъ мѣста.
Ужъ всякъ изъ докторовъ восторгомъ полонъ мнитъ,
Что примитъ царскаго наперсника названье,
Ужъ всякой съ радости дрожитъ:
Но — о судьба! ... взошло *невоздержанье*,
И смерть имъ сдѣлавъ всѣмъ учтивѣйшій поклонъ,
Съ *невоздержаніемъ* свой раздѣлила тронъ.

ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ.

Басня.

Какой-то мѣщанинъ ведя горшками торгъ,
И наконя онъ ихъ изрядное имѣнье,
По силѣ, сколько могъ,
Имъ вздумалъ сдѣлать награжденье.
Собралъ послѣдушки — и говоритъ:
Мнѣ изстари вашъ родъ благотворитъ,
Я вами сытъ, одѣтъ, доволенъ.
За предковъ вашихъ прудъ — и въ память ихъ заслугъ,
Хочу, чтобъ всякъ изъ васъ, ихъ внукъ, ихъ сынъ, ихъ другъ
Отнынѣ былъ бы воленъ.
Вотъ двѣ дороги вамъ:
Хотите ль счастія искать по городамъ,
Сей часъ въ возы — и самъ отправлюсь съ вами;
На родинѣ ль останетесь межъ нами,
Живите въ нѣгѣ, безъ прудовъ,
Какъ будто бы у васъ горшковъ
Хозяина и не бывало.
Довольны тѣмъ горшки — и стали разсуждать,
Кому какой удѣлъ избрать.
„Намъ жить въ глуши ни мало не пристало,
Чугуны въ голосъ всѣ, желаемъ видѣть свѣтъ!“
А мы, сказалъ горшокъ, по слабости сложенья,
Должны искать уединенья.

Останемся, друзья! въ насъ столько силы нѣтъ,
Чтобъ по свѣту таскаться,
Ихъ милость можетъ прогуляться;
Такая ль крѣпость въ нихъ!
Ихъ кожа въ сотеро плотнѣе,
Имъ будущи лѣта вѣрнѣе,
Чѣмъ намъ единый мигъ;
Отъ первой непріятной встрѣчи
Изъ насъ останется лишь прахъ....
„Когда васъ держитъ только страхъ,
Прервалъ чугунъ горшковы рѣчи,
„То мы вамъ вѣрный щитъ.
Вездѣ, во всѣхъ бѣдахъ укроемъ васъ собою;
„Напрыгнетъ ли буянъ — мы топчась къ бою,
„Изъ васъ же всякой пусть спокойно спитъ.“
Горшокъ поклонъ — и въ возъ къ чугунамъ завалился.
Хозяинъ тутъ же къ нимъ — и въ путь пустился.
Извѣстно, что въ пути во всѣхъ мѣстахъ
Безъ трудности не достигаютъ цѣли,
И наши путники узнали то на дѣлѣ;
Гдѣ должно проѣзжать оврагъ,
Гдѣ горы, гдѣ мосты, гдѣ вязкія болоты,
Гдѣ даже каменны оплоты.
Горшку не въ мочь, хотя буяновъ не видать;
Сосѣди прыгаютъ, какъ будто бы хмѣльные,
Иль угорѣлые, шальные;
Тотъ въ бокъ его, тотъ въ грудь — не знаетъ, что начать.
Толчки пріятельски, равно какъ отъ враговъ,
Всегда толчки — отъ нихъ не меньше больно.
Сосѣди ради бы покой взять отъ прыжковъ;
Но прыгаютъ невольно.
Едва усядутся — какъ новая бѣда!

Тамъ ини перескакнутъ — тамъ кочки;
Другъ друга толкъ — и безъ вреда,
А хрупкаго горшка осипались череночки.

*

Блаженъ, кто съ равными свой жребій съединилъ!
Союзъ толпъ гибеленъ, гдѣ нѣтъ равенства силъ.

---

*

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Басня.

Вездѣ къ пословицамъ имѣютъ вѣру;
Не къ отати, къ стати ли, все ставятъ ихъ къ примѣру:
Таковъ введенъ обрядъ!
А кто ему не платитъ дани?
У насъ, у Русскихъ говорятъ,
Что будто миръ худой полезнѣй доброй брани.
Напротивъ лучше вѣкъ съ коварнымъ весть войну;
Съ нимъ менѣе враждой, чѣмъ дружбой потеряемъ:
Врага мы стережемъ, а другу довѣряемъ.
Хочу къ тому сказать вамъ сказочку одну.

Соскучилось овцамъ всегда быть на сторожѣ:
Вчера — сегодня — завтра тоже,
Все бѣгай отъ волковъ —
Не льзя и поиграть свободно;
Отправили онѣ за миромъ къ нимъ пословъ:
Намъ, волки говорятъ, и миролюбье сродно.
Согласны съ вами мы въ союзъ вступить;
Но чтобъ довѣренность взаимно сохранить,
То сдѣлаемъ практатъ въ порядкѣ самомъ строгомъ,
И укрѣпимъ двойнымъ залогомъ:
Мы вамъ дадимъ родныхъ своихъ сыновъ,
Волчатокъ безъ когтей и безъ зубовъ;
А вы намъ дайте вашихъ псовъ.

Овечки добрыя отъ радости чуть дышутъ:
Ну, думаютъ, на вѣкъ спаслися отъ врага;
Даютъ собакъ, пряники пищутъ,
И прыгая бѣгутъ въ луга
Свободой полной наслаждаться.
Но вышло все не такъ!
Бывало волки къ нимъ начнутъ лишь подбираться;
Анъ вдругъ на лай собакъ,
Бѣжитъ пастухъ съ дубинкой:
Врядъ поживится гдѣ одной скотинкой;
Теперь, какъ псы молчатъ,
А отъ волчатъ
Летаютъ къ нимъ гонцы съ вѣстями,
Теперь они ставъ прежними врагами,
На стадо невзначай набросились толпой,
И всѣхъ покушали овечекъ до одной.

ТѢМЪ,

КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЛИ МНѢ ПИСАТЬ ГИМНЫ.

Отвсюду бѣдствомъ утѣсненна,
Могу ль воспѣть творца міровъ?
Изъ дерзновенныхъ скорби словъ
Была бы пѣснь та соплетенна:
Покорность страждущихъ есть гимнъ творцу міровъ.

*

Отвсюду бѣдствомъ утѣсненна,
Могу ль слагать хвалы царямъ?
Идя по терновымъ стезямъ,
Я мню, что въ тернахъ вся вселенна:
Народа счастіе есть лучшій гимнъ царямъ.

*

Отвсюду бѣдствомъ утѣсненна,
Могу ль утѣхи пѣть родства?
Я знаю скорбь лишь сиротства,
Бывъ съ дѣтства чуждыми вскормленна:
Семейны радости есть гимнъ въ хвалу родства.

Отвсюду бѣдствомъ утѣсненна,
Могу ль пѣть сладость нѣжныхъ узъ?
Съ напастью утверди союзъ,
Хладъ душъ я вѣдать осужденна:
Улыбка милыхъ намъ есть гимнъ для нѣжныхъ узъ.

*

Отвсюду бѣдствомъ утѣсненна,
Хочу блажить могильный сводъ:
Къ нему опраденъ, миренъ входъ!
Съ нимъ сонъ и тишина священна!
Онъ съ бѣдствомъ примиритъ....блажу могильный сводъ.

МОЙ ПОРТРЕТЪ, СПИСАННЫЙ НА ДОСУГѢ ВЪ ОСЕННІЕ ВѢТРЫ ДЛЯ ПРІЯТЕЛЕЙ. *)

Помыслить — было, чѣмъ со скукою сражаться,
Чѣмъ свистъ осенній заглушить:
Сиди какъ въ заперти, не только прогуляться,
Не льзя и въ комнатѣ окошка отворить,
Ни даже уголка безмолвнаго найтить;
Въ трубахъ, подъ кровлей — средь карнизовъ,
Вездѣ пѣвцовъ незванныхъ тьма —
Ну — право сноснѣе зима!
У этой въ каждый часъ десятокъ есть капризовъ:
То ливный дождь — то съ сѣвера борей,
А съ юга аквилонъ сорвавшися съ цѣпей,
Средь улицъ межъ собой вступаютъ въ споры,
То вдругъ опять попрячутся всѣ въ норы
И солнышка проглянетъ лучъ;
То въ самой сей же мигъ изъ бѣлыхъ тучъ

---

*) Осмѣливаясь напечатать здѣсь столь маловажное обстоятельство, я сдѣлала сіе въ удовлетвореніе моимъ ближнимъ, которые одни только могутъ найти въ немъ нѣчто заслуживающее вниманіе; почему, читатели весьма справедливо поступятъ, пропустя сіи стихи, какъ бѣлые листы.

Посыплетъ снѣгъ пушистой,
Потомъ покроется корою льдистой,
Иль растопившися сберется въ токъ;
А тамъ .... Но что считать! незапны перемѣны
Одной ли осени порокъ? ...
Отъ бури и дождя меня скрываютъ стѣны;
Займемся жъ чѣмъ нибудь ... да чѣмъ? — Вотъ та бѣда!..
„Здѣсь пяльцы и съ канвой!—“ нѣтъ, нѣтъ глазамъ накладно....
„Такъ книгами — вотъ шкапъ! лишь шагъ сюда.“
Опъ нихъ ужъ въ головѣ ей ей туманно.
„Ну вотъ чернилица! —“ Прекрасно! точно такъ!
Пускай о кровлю дождь стучитъ, дробится,
Пускай на стекла снѣгъ ложится
И въ полдни спустится сумракъ;
Иль вѣтръ одинъ спѣшитъ другимъ на встрѣчу —
Съ перомъ въ рукахъ авось того и не примѣчу.
Но что же мнѣ писать — и что возьму за цѣль?
Труды смѣшны, когда имъ нѣтъ предмета!
Эклогу бъ сочинить, хотя въ забаву свѣта.
Да къ ней пріятная нужна свирѣль;
А ихъ нигдѣ здѣсь нѣтъ продажныхъ.
Такъ я исполня мысль сраженій страшныхъ,
На полѣ Марсовомъ остановя свой взоръ,
Летая въ лагеряхъ крылатыми мечтами,
Рукою смѣлою — и рѣзкими чертами
Изображу двухъ царствъ кровавый споръ.
Но какъ мнѣ то воспѣть, чего не знаю!....
Геройства нѣтъ въ душѣ — и миѳемъ не пылаю;
Къ тому жъ кровавыхъ битвъ смертельно я боюсь....
Нѣтъ лучше устремлюсь

Къ хвалѣ великихъ въ мірѣ!
Перстами бѣглыми на лирѣ
Я громки тоны извлеку:
Царей благихъ изчислю;
Вельможъ — судей правдивыхъ нарѣку.
Не нужно въ дальніе летать предѣлы мыслью,
Отечество мое обильно ими.
Воспламенясь похвальными дѣлами
Ихъ имена спасу между вѣками
Я пѣснями своими.
Внемлите поздные потомки!
се добрый, кроткій царь! .. „Но гдѣ тимпановъ звонъ?
„Хвалы твои несильны и негромки.
„Для рѣдкихъ, славныхъ дѣлъ — такой ли строй и тонъ!
„Хотя бъ *Державина* похитила ты струны;
„Но нѣжность, сладость и перуны
„Отъ рукъ его не перейдутъ къ тебѣ ....
„Оставь, когда угодно такъ судьбѣ,
„Оставь лишь одному ему вліянья
„Сколь дивныя въ умахъ производить,
„Чтобъ смертныхъ имена безсмертными творить,
„Всѣхъ прелестей собравъ очарованья.—“
Покорствую — къ тому жъ и въ головѣ моей
Родились вдругъ желаньямъ перемѣны.
Я къ музамъ обращусь — и лестію рѣчей
Склоню — да чистаго потока Ипокрены
Дадутъ вкусить мнѣ сладкихъ водъ.
Напившись ихъ начну учить народъ:
Представлю слѣдствія порочной страсти,
Покорность должную верховной власти,
Семейны радости — обязанность дѣтей —

Утѣху добрыхъ дѣлъ. — раскаянье коварства,
И въ золотѣ найдя отраву для людей,
Спасу ихъ низкаго корысти рабства;
Сорву шу грубую повязку съ ихъ очей;
Ко ближнему любовь пролью въ ихъ чувства;
Всѣ знанія свои — и всѣ искуства
собравъ къ ихъ ползѣ обращу:
То въ *хитра* вдругъ себя — то въ *птицу* заключу,
И даже въ *комарѣ* я буду имъ полезна,
А съ пользою любезна.
Вотъ подлинно предметъ! ...
О вы отрада душъ! — прелестныя, младыя!
Оставя своды голубые
Слуститесь со арфами! .... „Ихъ дома нѣтъ —
„Онѣ“ ..... *О ты, со блистящей колесницы* ....
И онъ шудаже позванъ на совѣтъ. —“
А что шамъ дѣлаютъ ихъ божескія лицы?
Дикшуютъ всѣ .... что часъ — то листъ....
Э! э! — Да тотъ—то чтожъ? — Конистъ!
Ну право не завидно ....
Одно лишь то какъ будто бы обидно,
Что хваляшъ безъ заслугъ.
Вотъ мы — шакъ вѣкъ одни — и подлинно трудимся
Намъ Музы не въ свойствѣ — и Аполлонъ не другъ;
А счетомъ рифмъ хошь съ кѣмъ сравнимся.
Куражъ! — терпѣньемъ спроятъ города!
Однако что—то не клеится.....
Куда ни кинуся — вездѣ бѣда!
Что ль бога мнѣ гнѣвишь! вишь съ рифмою ложится!
Одно препятствіе: идей не соглашу;
Бышь можетъ, что спѣшу;
Бышь можетъ опъ погоды.

Подъ часъ мрачатъ умы густыя облака!
„Быть можетъ, что берешь ты слишкомъ съ высока...
„Къ чему поэмы все — да оды!
„Что познакомѣе, такъ то и попростѣй!
„Похвальнобъ съ пользою учить народы;
„Но проповѣдники родятся безъ *страстей*.
„Начни-ка ты съ себя — себя извѣдай,
„Потомъ и проповѣдай. —“
Съ себя! какъ будто это трудъ!
Такой себѣ дамъ судъ,
Какой бывалъ въ Ареопагѣ;
Извольте хоть къ присягѣ —
Пристрастье прочь
Портретъ съ себя вамъ дать вѣрнѣйшій;
Со всѣми слабостьми-точь въ точь,
Не скрыть и малости самомалѣйшей.
Надѣюсь — я не изъ дурныхъ —
И кажется могу учить другихъ.
Извѣстно на примѣръ, что рабъ и что владѣтель
Не рѣдко въ мірѣ семъ изъ той же чаши пьютъ,
Что люди не въ однѣхъ пеленкахъ слезы льютъ,
И что терпѣнье есть большая добродѣтель.
А я, въ превратной жизни сей,
Къ немалой похвалѣ своей,
Въ замѣну бреннаго имѣнья
Представлю горы вамъ терпѣнья;
А что не лгу —
Примѣромъ доказать могу.
Случается бѣдой, какъ тучею покроетъ,
Падетъ на мысли грусть, и сердце все изноетъ;
Куда ни кину взоръ — вездѣ одна бѣда —
Ни крошки къ счастію — ни слабаго слѣда;

Уже и громъ гремѣлъ — а небо все мрачится,
Готовясь каждый мигъ надъ бѣдной разразиться.
Ну, чѣмъ бы стали вы грусть сердца облегчать?
На вѣрно бъ начали стѣнать, роптать, вздыхать.
А я такъ напротивъ иначе поступаю,
Ропщаньемъ, думаю, судьбы не испугаю;
Такъ лучше же умѣть
Терпѣть.
Чтобъ люди опъ меня не прятались за стѣны,
Я время разложу на двѣ различны сцены:
Для дня запру опъ вздоховъ грудь,
На сердцѣ скорби скрою,
И мертвое лице улыбкою покрою;
А ночью шоку слезъ откроюпуть.
Ужель, вы мыслите, легко владѣть душою!
Но все ли шутъ .....
Однажды на бѣду шѣхъ, кто со мной живутъ,
Припала къ музыкѣ мнѣ страстная охота,
Таланта же ни капли нѣтъ!
„Пожалуй не учись. —“ Друзья даютъ совѣтъ —
И слушать не хочу! — не день — не два — три года
Сижу и бью въ набатъ;
Учитель мой и деньгамъ ужъ не радъ .....
А я и по ночамъ стружуся!
Опъ всѣхъ уйду — запруся —
И трудъ не въ трудъ!
Подъ часъ насмѣшники придутъ:
Я умысла же ихъ нимало не смѣкая,
Прошу: пожалуй-те ударь-те мнѣ *кадансъ*.
„Изволь-те, хорошо, вить это *контрадансъ*,
„Иль просто *плясовая*. —“
Возможно ли! — какіе пустяки .....

Адажіо играю!
„Да мы въ музыкѣ-то не слишкомъ далеки. —“
Насмѣшка не тонка — къ несчастью понимаю;
Обидно — такъ и быть — молчу ....
Вооружусь терпѣньемъ,
И съ новымъ рвеньемъ
Тожъ самое *адажіо* учу.
И то не все — еще вамъ разсказать хочу:
Случится иногда въ холодную погоду,
Иль такъ изъ шалости — иль уважая моду
Платки съ себя — солопы прочь,
Потомъ и занемочь.
Какъ иглы острыя по всей летаютъ;
То ледъ почувствую, то пламенемъ палитъ;
Едва сижу — всѣ видятъ, замѣчаютъ:
„Иль голова болитъ?—“
Ни крошечки! — съ чего вы взяли?—
„Блѣдна какъ смерть,—хоть въ зеркало взгляни!“
О нѣтъ! я такъ сижу въ тѣни.
А въ истинну боюсь, чтобъ не пеняли;
Сама причиною, такъ чтожъ, какъ не молчать!
Ну — право бы иной сталъ голосомъ кричать;
А я терпѣніемъ вездѣ вооружаюсь:
Хоть смерть въ глаза, и той не испугаюсь.
Равно какъ иногда ....
Но вотъ внезапная бѣда!
Противность вдругъ терпѣнью повстрѣчалась!
Когда бы клятвой не связалась,
Во вредъ себѣ отнюдь нестала бъ говорить;
Теперь пришлося все наружу выводить.
Не чудо ли! ... Все точь въ точь справедливо,
Но нѣчто — да не то прибавлю вамъ за диво:

Терпѣніе во мнѣ и есть — и нѣтъ —
Оно какъ солнечный сегодня свѣтъ,
То въ яркихъ вдругъ лучахъ прольется,
То мрачной тучей обовьется.
Бездѣлица: иль кашель — иль угаръ —
Всѣхъ изъ дому гоню слезами.
Кричу: чахотка, бредъ и жаръ —
И сто смертей передъ глазами.
Бѣда — кто слово вопреки!...
Всѣхъ съ ногъ собью: сей часъ за лѣкаремъ скачите!
Помомъ: нѣтъ! нѣтъ! они болваны, дураки!
Ой, смерть пришла! -- простите!
Клеонъ всѣхъ посмѣлѣй,
Съ совѣтомъ подойдетъ: „ахъ, матушка! ей ей
„Ты болѣе себѣ вредишь сомнѣньемъ;
„Вооружись хотя на часъ терпѣньемъ.“
Спасибо за совѣтъ!
Другому боль моя конечно не во вредъ.
„Эхъ матушка! тебѣжъ добра желаю!“
Конечно....знаю....
А сами, думаю, не любите страдать!
„Вотъ два года простудою страдаю!“
Угодно вамъ и мнѣ того же пожелать?
Но мнѣ ни малой нѣтъ къ тому охоты ....
„Да ты словамъ даешь иные обороты,
„Къ примѣру я себя сравнялъ съ тобой.“
Вы человѣкъ — а я другой.
Во мнѣ сполъ страннаго нѣтъ чванства,
Чтобы любить не мочь;
Къ тому жъ примѣры не лѣкарства!
Клеонъ вздохнулъ .... поѣхалъ проч.
Когда по склонностямъ къ красамъ природы,

Осмѣлясь имъ иглою подражать,
Темиру вздумаю къ совѣту приглашать:
Какъ мыслишь, милая, въ семъ гротѣ своды
Не болѣе ли скрыть отъ солнечныхъ лучей?
„И! нѣтъ, нѣтъ, хорошо! по чести лѣсъ, ручей
„И даже хижинка, какъ будто изъ-подъ кисти.
„Одной небрежностью вредишь;
„Скажи, къ чему спѣшишь?
„Хоть нѣсколько *гуань* почисти
„Какой неровный шовъ!“
Ну стоитъ ли то словъ!
„Какъ стоитъ ли? — смотри прегадко!
„Одинъ стежокъ сюды — другой глядитъ туды...“
Ужель страдаетъ вкусъ, что вышито не гладко?
Оставимъ тяжкіе труды!
Они въ работахъ лишь, а не въ искусствахъ нужны;
Пусть рабскія имъ головы послушны.
„Но вкусъ одинъ безъ чистоты ничто.“
Я мышлю иначе .... а въ истинну не то:
Не достаетъ терпѣнья. —
Оно вездѣ мнѣ камень преткновенья..
Примусь ли за перо,
Иль прежніе стихи достану изъ бюро,
Что бы прочесть ихъ съ знатоками —
И ихъ сужденіе узнать?
Съ поклономъ къ нимъ: прошу мнѣ истинну сказать,
Я безпристрастными считаю васъ судьями,
Не должно ли чего въ стихахъ сихъ отмѣнить,
Или по крайности иными замѣнить?
Усядемся читать — пойдутъ разборы.
„Вотъ это бъ отмѣнить“ .... да рифма пропадетъ!
„Другую поискать.“ — и стоитъ ли хлопотъ!

На мѣлочи такой кто остановитъ взоры?
„Однако лучше бы здѣсь рѣчи быть другой;
„Но какъ погрѣшности въ томъ нѣтъ большой,
„То далѣе пойдемъ, вить это не поэма —
„Къ тому жъ вы пишете, что бъ скуку сократить."
О! безъ сомнѣнія — лишь время бы убить,
А лира не моя эмблема.
И рада — рада, что нашла
Хоть малый поводъ къ оправданью;
Со всемъ тѣмъ отъ хлопотъ не далеко ушла:
„Помилуй-те! здѣсь мѣсто ли вздыханью?"
Вскричалъ мой рецензентъ — „прилично ли, что вы
Сюда поставили *увы*? —"
Теперь опять, такъ стопъ и не дочтемся!
„Однако же для стопъ,
„Безъ бѣдъ не плачемъ мы — безъ смѣха не смѣемся.
„А это что? *чтало какъ сколъ* ....
„Какое низкое сравненье!
„Нѣтъ, здѣсь пощада — снизхожденье —
„Вамъ обратится въ вредъ!"
Все чувствую — но я признаться,
Теперь ужъ не могу опять тѣмъ вновь заняться;
„Да это сущій бредъ!
„Прилично ли къ орлу парить послали *мухъ*?
„Спросите хоть кого! —" Я вѣрю вамъ;
Но право исправлять теперь нѣтъ духу.
Ужель крылатый конь всегда подвластенъ намъ?
Вы знаете, труды веселыхъ музъ пугаютъ;
Онѣ отъ нихъ, какъ призракъ, убѣгаютъ.
Конецъ рецензіи ... . и вѣрный мой портретъ
О двухъ лицахъ; но ахъ! таковъ весь свѣтъ!
Покрайности хоть тѣмъ могу я похвалиться,

Что не люблю кружиться,
Гоняясь за мечтой,
И суетныхъ забавъ, какъ язвы моровой,
Вседневно убѣгаю;
Что прочное люблю, а тлѣнность презираю;
Что тихихъ, уединенныхъ дней
На царскую корону не смѣняю;
Что не наружностью плѣняюся вещей;
Что *шали*, *гребни*, *сантиманы*
Не дѣйствуютъ на мой ни мало умъ;
Что полны ль — пусты ли мои карманы;
Что тихо вкругъ меня, или есть шумъ;
Что свѣтятъ ли огни, блистаютъ ли каменья;
Что, что ... „Постой: и выдь изъ заблужденья,
„Подъ часъ иль длинный *шлейфъ*, иль головной уборъ,
„Войдя съ разсудкомъ въ споръ,
„Какъ труса, бѣднаго гоняютъ изъ сраженья.“
Но то едва
Случится въ круглый годъ иль разъ, иль два,
А кто же, такъ какъ я, въ желаніяхъ умѣренъ!
Красамъ природы болѣй вѣренъ,
И менѣй въ бѣдности находитъ зла,
И менѣй требуетъ гремушекъ?...
Убога хижина — два блюда для стола,
Вкругъ стѣнъ скамьи простыя безъ подушекъ
Меня собой не устрашатъ!
Когда свѣтило дня склоняясь на закатъ,
Сквозь тусклое мое стекло ко мнѣ блистаетъ —
И радужнымъ лучемъ блескъ въ блескѣ отражаетъ;
Когда въ замѣну арфъ — клавиръ —
Въ замѣну златострунныхъ лиръ,
Звучащихъ подъ искусными перстами,

Крылатые пѣвцы вiясь подъ облаками
Восторги въ прелiяхъ льютъ:
Мажоры, миноры, тоны, полутоны
Ко мнѣ съ зефиромъ плютъ;
Когда дщерь горесиной Лаисоны
Съ лазуревыхъ небесъ,
Свѣтъ томной изъ очесъ
Струей сребристой проливаетъ,
За мѣсто лампами утаенныхъ огней
Чуть, чуть сквозь гипсъ свѣтящихся лучей,
Предметы вкругъ меня едва лишь освѣщаетъ:
Тогда отъ нѣжности переходя въ восторгъ,
Забывъ различныя людей степени,
Готова предъ творцемъ простершись на колѣни
Вскричать: колико благъ для тварей Богъ!
„Изрядно — но всегдаль ты сиоль великодушна
„И року мощному всегда ли сиоль послушна?“
Конечно не всегда .....
Какъ кто ограбленъ безъ суда,
То какъ не хмуриться тому на Провидѣнье!
Неволей иногда въ насъ сердце закипитъ.
Сидишь ли съ красотой, а что-то говоритъ:
Ну эти въ прелести — румяный цвѣтъ лаитъ;
Во взорахъ нѣжное томленье;
Ну эту въ стройность — роситъ и бѣлизну лица
Правдивѣй было для творца
На части равныя межъ нами раздѣлить.
За что жъ одну, какъ Креза наградить?
Съ какою легкостью она танцуетъ,
Какой для пѣнiя органъ!
Въ другихъ природа всѣ таланты образуетъ,
Ко мнѣ, какъ мачиха — нѣтъ пуще: какъ тиранъ!

А этотъ умъ ... даръ стройно изъясняться,
Способность все мгновенно понимать,
Ловить изящное: ему уподобляться,
Не лучше ли бы мнѣ отдать?
Прошу однакоже излишне строго
Одной наружностью меня не обвинять:
Причины есть пѣнять.....
Онѣ не только намъ — и мудрымъ значатъ много!
Какой же мещете вы строгій взоръ!
Уже у всѣхъ уста къ упрѣкамъ растворились,
Улыбки хитрыя явились
И всякъ спѣшитъ затѣять споръ.
Спокойтесь — хорошо! согласна вамъ признаться,
Что року не всегда умѣю покоряться.
За то еще въ запасѣ есть
Одна души доброта:
Я не премѣнчива, и въ мысляхъ оборота
Ничто — ни адъ, ни рай не въ силахъ произвесть.
Какъ дневное свѣтило
Въ назначенномъ часу
Привыкши освѣщать хрустальную росу,
Въ мгновеніи одномъ еще не измѣнило,
И тамъ, гдѣ прежде лѣтъ назадъ тому всходило,
Оно взошло подобно и вчерась;
Такъ я наклонностямъ однажды покорясь,
Ко всякой новости питая отвращенье
И даже въ малостяхъ страшася перемѣнъ,
Одно и тоже ощущенье,
Храню въ душѣ своей всегда — и безъ измѣнъ.
Лишь то люблю — лишь то считаю драгоцѣннымъ,
На чемъ глаза мои привыкли отдыхать,
О чемъ душа моя привыкнула мечтать,

Что сердце нарекло единожды священнымъ.
Та чашка — тотъ стаканъ, который мнѣ служилъ,
Не бывъ хорошъ — привычкой милъ,
И безъ цѣны имѣетъ цѣну.
Не только вещь, люблю ту стѣну,
Которая меня изъ давнихъ лѣтъ блюла
И мнѣ защитою была,
Хотя она не изъ богатыхъ.....
Люблю животныхъ пѣхъ; собачекъ и пернатыхъ,
Которыхъ я отъ юныхъ дней
Сама рукой своей питала.....
„Да будетъ ли конецъ у *Элистолы* сей?
„Сочини-ка, сколько наскажала!
„А проку нѣтъ — все дрянь!
„Пожалуй же опишань
„Невѣрныя давашь сравненья!
„Тотъ часъ и къ солнцу обращенья...
„Ну что въ васъ общаго? — вся та хвала,
„Всѣ сказанны доброты,
„Которыя себѣ столь громко придала,
„Суть глупости оплоты!
„Смотри! — такія ли у разума вѣсы?
„Не зная Химіи — онъ знаетъ то навѣрно,
„Что золото металлъ,
„Что вѣситъ съ тяжестью ..... что всѣхъ вещей красы
„Лишь въ ихъ находятся добротѣ;
„Что чашка, что стаканъ лишь цѣны по работѣ.
„Онъ царь пристрастія — законъ душѣ, всему. —
„Привычка слабому страшна уму;
„Разсудокъ же предъ ней колѣна не сгибаетъ,
„И ига новаго себѣ не вымышляетъ.....“

Онъ лю ..... молчу — молчу —
И болѣй ни писать, ни слушать не хочу:
И такъ ужъ многіе опъ рифмъ моихъ вздремали.
„Такъ пѣ за сномъ въ аптеку не пошлютъ,
„И съ цѣлью прудъ:....
„Такихъ спиховъ немало мы чипали.

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЕСНЫ.

Сердце сжатое тоскою,
Слило всѣ въ одинъ предметъ.
Цѣль одна ему къ покою,
Тамо — на краю суетъ.

*

Тамъ, гдѣ слабому сильнѣйшій
Не считаетъ своихъ правъ;
Тамъ, гдѣ Нерона люпѣйшій,
Ярый укротился нравъ.

*

Гдѣ за деньги не обидятъ,
Не чертятъ земель въ куски.
Изъ чего ихъ домъ не видятъ,
Изъ металла иль доски.

*

Не гремятъ гдѣ цѣпи рабски
И не брызжутъ слезы — кровь.
Гдѣ не носятъ съ видомъ ласки
Въ сердцѣ ядъ — въ глазахъ любовь.

Гдѣ вельможа строгимъ взглядомъ
Страха въ душу не прольетъ;
Тихо-кротко, съ нищимъ рядомъ
Спитъ какъ братъ. -- Гдѣ власть минетъ.

*

Крестъ на шеѣ -- звѣзды, лента,
Гдѣ разсудковъ не темнятъ,
Графа -- пастуха -- Агента
Времена гдѣ прахъ смѣсятъ.

*

Гдѣ мечты покой не рушатъ,
Страсти сердца не томятъ:
Не палятъ его -- не сушатъ;
Гдѣ все спитъ -- и страсти спятъ.

*

Я завидую покою
Для меня его, ахъ! нѣтъ:
Сердце сжатое тоскою
Слило всѣ въ одинъ предметъ.

*

Вѣютъ ли кругомъ Зефиры
Травки ль ароматы льютъ,
Звуки ли согласной лиры
Нѣжны тоны издаютъ.

Иль любимицы природы
Вѣрные друзья съ весной,
Дѣти счастія, свободы,
Пташечки вьются надо мной.

*

Пестра ль бабочка летаетъ;
Рыба ль плещетъ изъ волны;
Солнце ль надо мной сіяетъ,
Или кроткій лучъ луны.

*

Рѣчка ль тихо протекаетъ,
Иль блеститъ въ кустахъ роса.
Или вѣтеръ завываетъ,
Съ трескомъ въ низъ клоня лѣса.

*

Черны ль тучи разовьются:
Грянетъ громъ — померкнетъ свѣтъ.
Съ градомъ ли дожди прольются,
Гнѣвъ въ нихъ шворческій блеснетъ.

*

Я смотрю холоднымъ окомъ
Съ равною на все тоской,
И убитый злобнымъ рокомъ,
Духъ вездѣ томится мой.

Вся природа оживилась;
Жизнь весна всему дала;
Я лишъ съ жизнію простилась,
Я . . . . . живая умерла.

*

Время мощною рукою
Изцѣлитъ ли раны? — Нѣтъ!
Сердце сжатое тоскою
Слило всѣ въ одинъ предметъ.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ ИЗЪ Г. БОАЛО *).

Пѣснь I.

Вотще стихами мнитъ писатель дерзновенной
Достичь до высоты Олимпа освященной;
Коль слова даръ съ небесъ въ него не вдохновенъ,
Когда онъ подъ звѣздой піитовъ не рожденъ;
То въ скудномъ разумѣ, какъ узникъ сжатъ, не воленъ:
Пегасъ предъ нимъ строптивъ—Фебъ глухъ и непреклоненъ.

Вы, кои мня въ себѣ Парнасскихъ даръ боговъ, **)
Сквозь терны мчитеся на поприще умовъ!

---

*) Сей слабый, наполненный погрѣшностями и недостатками отрывокъ произведенъ тогда, когда не былъ еще извѣстенъ полный его Сіятельства Графа Дмитрія Ивановича Хвостова переводъ всѣхъ четырехъ пѣсенъ *Науки о стихотворствѣ*. Не находя въ себѣ столько силъ, дабы соспязаться съ стихотворцами, я останавливаюсь на одной первой пѣсни.

**) Здѣсь осмѣлилась я сдѣлать отъ подлинника отступленіе. Переводя изъ слова въ слово рѣчь: qui brûlant d'une ardeur périlleuse courez du belle esprit etc.

Надъ рифмами себя безплодно не томите,
И страсть стихи слагать за знаніе не чтите.
Бѣгите лживыхъ сихъ, приманчивыхъ сѣтей:
Совѣтуйтесь съ умомъ и съ силою своей.

Природа славными обилуя умами,
Блеститъ въ писателяхъ различными красами:
Одинъ огонь любви съ пера умѣетъ литъ,
Тотъ Эпиграммою насмѣшливо язвитъ.
Геройски подвиги Малгербъ умѣлъ прославить,
Раканъ пѣть пастушковъ — луга, лѣса представить;
Но часто гордый умъ себѣ ласкаетъ любя,
Не знаетъ силъ своихъ, ни самаго себя.
Такъ нѣкто на брегахъ величественной Сены,
Стихами изчерпя домовъ пивнейныхъ стѣны, *)
Въ пустыни дикія безпрепетно потекъ,
Евреевъ соглядать славнѣйшій древлѣ бѣгъ
И силясь то воспѣть кичливымъ лиры тономъ,
Погибъ въ пучинѣ водъ съ надменнымъ Фараономъ.

Высокой, иль смѣшной предметъ желаешь пѣть,
Смыслъ съ рифмою въ связи всегда учись имѣть.

должна была бы я сказать: *О вы, которые, сгарая гибельною страстью, пробѣгаете цѣлянное терніями ловище цловъ* и проч. Что показалось мнѣ весьма неопредѣленнымъ. Не знаю, вразумительно ли выражаютъ сочинителеву мысль слова: ardeur perilleuse на Французскомъ языкѣ; но знаю, что слова: *гибельная страсть* имѣютъ обширное значеніе и заключаютъ въ смыслѣ своемъ не одну охоту къ стихотворенію, а вообще всѣ вредныя наклонности человѣка.

*) Сентъ-Аманъ, творецъ поэмы: *Спасенный Моисей.*

Напрасно намъ онѣ быть кажутся врагами:
Умъ долженъ рифмами такъ править, какъ рабами.
Былъ разъ имъ найденъ, онѣ смирясь предъ нимъ
Несутъ ему дары обиліемъ своимъ;
Но бывъ презрѣнными становятся мятежны;
Умъ гонится имъ въ слѣдъ — онѣ едва съ нимъ смѣжны.
Любите здравый смыслъ! старайтесь отъ него
Весь блескъ и цѣну взять твореньи своего.

Иные буйному предавшися стремленью,
Внѣ смысла здраваго берутъ мысль къ сочиненью,
И въ странныхъ мнятъ стихахъ унизиться своихъ,
Тожъ мысля, что возмогъ кто мыслить и до нихъ.
Бѣжимъ сихъ крайностей. — Пусть шѣ алмазы лживы
Даютъ въ Италіи дурачествъ блескъ игривый.
Все съ здравымъ разумомъ должно лишь быть въ связи;
Но труденъ ходъ къ тому и скользки всѣ стези!
Кто мало сбился съ нихъ, мгновенно утопаетъ:
Умъ часто къ шествію одинъ путь предлагаетъ.

Иные въ свой разказъ всѣ мысли углубивъ,
Съ предмета не сойдутъ всего не изтощивъ.
Находятъ ли дворецъ, тотъ часъ снимаютъ планы.
„Тутъ зала, тутъ крыльцо, тамъ спальня, тамъ диваны,
„Вотъ здѣсь среди столбовъ съ рѣшеткою балконъ,
„Тамъ рѣзьба разная видна со всѣхъ сторонъ.“ *)
Начнутъ потомъ считать полы и половоки,
Сколь окна высоки, гардины какъ широки.
Я двадцать вдругъ листовъ переложу назадъ,
И чтобъ достичь конца, скорѣй бѣгу сквозь садъ.

---

*) Скюдери, Французской писатель.

Блюдитесь сихъ творцевъ безплоднаго обилья;
Бѣгите тщетнаго въ подробностяхъ усилья:
Все, въ чѣмъ излишекъ есть, несносно и томитъ:
Не знавъ въ предѣлахъ быть, не будешь вѣкъ пѣитъ.

Спрашась не рѣдко зла встрѣчаемся съ сугубымъ:
Сначала стихъ былъ слабъ, ты сдѣлалъ оный грубымъ;
Желая краткимъ быть сталъ теменъ и стѣсненъ;
Одинъ не столь кудрявъ, но слишкомъ обнаженъ;
Другой боясь поползть, изчезъ подъ небесами.

Хотите ли владѣть читателей сердцами?
Мѣняйте звукъ своихъ напѣвовъ каждый часъ.
Всегда подобный слогъ — одинъ и тотъ же гласъ
Вотще блеститъ очамъ: онъ вмигъ насъ усыпляетъ.
Едва ли кто того писателя читаетъ,
У коего всегда одинъ стихерный строй.
Блаженъ, кто легкою въ стихахъ своихъ рукой
Изъ шутокъ къ важному, изъ нѣжнаго въ угрозы,
Умѣя пробѣгать, бросаетъ тернъ и розы.
Его творенія угодны небесамъ
И въ дорогой цѣнѣ на пользу продавцамъ.

Бѣгите низкихъ словъ, то буйной черни свойство:
И самый слогъ простой имѣетъ благородство.
Въ насмѣшку разума, вдругъ шутовской языкъ,
Среди писателей, къ безславью ихъ изникъ,
И новостью своей всѣхъ обольстивши взоры,
Храмъ Музъ преобратилъ въ базарны, шумны сборы.
Самъ Аполлонъ себя обрядамъ покоря,
Явился на Парнассъ въ нарядѣ шинкаря,
И вольности въ стихахъ никшо не зналъ предѣла:

У всѣхъ поэзія видъ площадной имѣла.
Сей ядъ сперва обшекъ губернски города,
Подьячихъ и мѣщанъ, потомъ и господа,
И Графы, и Князья, и всѣ имъ заразились:
Для каждаго враля чтецы явились,
И каждый шутъ тогда безсмертьемъ льститься могъ.
Но дворъ въ послѣдствіи сей презирая слогъ,
Наскуча мнимою стиховъ тѣхъ остротою,
Въ нихъ разницу найдя съ невинной простотою,
Оставилъ низости провинцію смѣшить.
Да не дерзнутъ онѣ вашъ слогъ собой осквернить!
Пусть балагуръ лепечетъ блистать въ толпѣ народной,
А вы съ пріятностью шутите благородной.

Не меньше пагубны гигантскіе слѣды,
Какъ нѣкто воспѣвалъ Фарсальскія бѣды:
„Сіна горъ побитыхъ тѣлъ стенанья слышну страшны.“

Старайтесь быть всегда безъ пышности изящны,
Искусны въ простотѣ — пріятны безъ прикрасъ;
Того, что нравится, чтецъ ждетъ отъ васъ.

Имѣйте строгій слухъ въ размѣрѣ ударенья,
Чтобъ смыслъ окончя рѣчь и дѣлавъ пресѣченья,
Въ двѣ доли каждый стихъ для роздыха дѣлилъ,
Чтобъ въ размѣненьи буквъ васъ тотъ же слухъ водилъ:
Есть выборъ счастливый рѣченій доброгласныхъ,

Блюдитеся, чтобъ буквъ не свесть двухъ рядомъ гласныхъ,
Иль грубыхъ звуками стеченія рѣчей.
Ни благородна мысль, ни связью стихъ своей,

Хотя всѣ правила поэзіи вмѣщаетъ,
Не нравится уму, коль ухо раздражаетъ.

Когда во Франціи Парнассъ извѣстенъ сталъ,
Тогда имъ произволъ одинъ лишь управлялъ.
Тогда вся прелесть Музъ изъ рифмы состояла,
Она и чистоту и мѣру замѣняла,
Вилло въ сей грубый вѣкъ первѣйшій былъ поэтъ,
Во мракахъ древности искуствъ нашедшій свѣтъ.
Маро ввелъ стройное балладъ образованье,
Составилъ тріолетъ, о рондахъ далъ познанье:
Ихъ сложность правильнымъ законамъ покорилъ,
И новыя слѣды къ поэзіи явилъ.
Ронзаръ за нимъ идя иначе путь направилъ:
Все спуталъ, все смѣшалъ, на ладъ свой переладилъ.
Желалъ, какъ власителинъ, быть правиломъ для всѣхъ,
И всякой разъ имѣлъ желаемый успѣхъ.
Но Музы у него поволѣ, безъ разбора,
Аѳинскимъ языкомъ средь Гальска разговора
И Римскимъ говоря, чрезъ оборотъ умовъ,
Паденье зрѣли вдругъ высокопарныхъ словъ:
Кичливый сей поэтъ столь быстрымъ низверженьемъ,
Депорту и Бертно служилъ нравоученьемъ. —

Малгербъ потомъ нашедъ въ поэзіи размѣръ,
Далъ первый Франціи изящнаго примѣръ,
Словъ силу ей открылъ прилично размѣщенныхъ
И Музъ ввелъ истиннымъ законамъ подчиненныхъ.
Исправленный тогда имъ тщательно языкъ
Щадитъ разборчивый слухъ каждаго привыкъ.
Онъ стансы научилъ приятному паденью,
И мысль въ стихъ изъ стиха не прыгать по хотѣнью;

Всему далъ правила — и позднихъ лѣтъ пѣвцы
Творенія его берутъ за образцы.
Послѣдуйте ему въ своихъ произведеньяхъ,
Какъ слога чистотой, такъ ясностью въ рѣченьяхъ.
Когда замедлитъ смыслъ мнѣ самъ себя казать,
Я разума тогда не силенъ напрягать,
Сквозь кучу словъ пустыхъ устанши пробиваться,
Нейду съ писателемъ, чтобъ съ нимъ не поперяться.

У нѣкоторыхъ мысль обвитая корой
Мрачна, какъ въ хаосѣ день смѣшанный со тьмой;
Ни яркій лучъ ума сей тьмы не могъ разчистить.
Не бравшись за перо, учитесь прежде мыслить.
Но мѣрѣ ясности въ понятьи о вещахъ,
Такъ ясность самая блистаетъ и въ рѣчахъ.
Тому, что понялъ самъ, найдешь и объясненья,
И рѣчи потекутъ рѣкой безъ затрудненья.

Умѣйте въ чистотѣ всегда держать вашъ слогъ;
Не портьте языка чрезъ выспренній восторгъ.
Вообще музыкой мнишь ольстить мое вниманье,
Коль ложешь оборотъ, неточно гдѣ названье.
Я звукомъ не прельщусь и не сплету похвалъ,
Когда вы мнѣ слова безъ правилъ накидалъ,
Иль правильно сложа не то далъ удареньe:
Не знавши языка придешь у всѣхъ въ презрѣньe.

Кто бъ какъ ни понуждалъ, трудись какъ время есть,*)

*) Скюдери, въ извиненіе своихъ погрѣшностей, говаривалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе окончить поскорѣе свои сочиненія.

И глупой спѣшности не ставь себѣ за честь.
Твой быстрый виршей токъ порывистымъ паденьемъ
Мнѣ кажетъ, что въ враждѣ ты съ здравымъ разсужденьемъ.
Я болѣе люблю сей маленькой ручей,
Который тихою, прозрачною струей
По мѣлкому песку катитъ журчащи воды,
Чѣмъ быстрый водопадъ, который въ непогоды
Стремяся шумно съ горъ все рветъ—все мчитъ, крутитъ,
И мутною волной по рытвинамъ бѣжитъ.
Спѣшите медленно и бодрости не тратьте!
Сто разъ одни стихи прочтите и исправьте;
Потомъ старайтеся ихъ снова вычищать,
Прибавить изрѣдка — но чаще убавлять.

Нѣтъ славы; гдѣ кишатъ погрѣшности листами,
Подъ часъ сверкнуть умомъ, разсѣяннымъ мѣстами.
Все должно по своимъ мѣстамъ разпредѣлить,
Съ срединой и съ концемъ начало согласить.
Чтобъ разны отросли обширнаго творенья
Входили въ цѣлое, какъ части въ составленье,
Чтобъ повѣсть, брося вдругъ для острыхъ словъ предметъ
Отъ цѣли въ далекѣ имъ не гналась во слѣдъ.

Страшитесь свѣтомъ быть въ стихахъ своихъ судимы,
И будьте сами вы къ себѣ неумолимы;
Во всемъ себѣ ласкать есть страсть однихъ невѣждъ,
Дурачество всегда исполнено надеждъ.

Ввѣряйтеся друзьямъ готовымъ на сужденья,
Пусть судятъ васъ во всемъ, не зная снизхожденья;
Умѣйте снесь въ себѣ піита побѣждать;
Но также и льстеца отъ друга отличать:

Тотъ часто хвалитъ всѣхъ, кто шутитъ тайно вами.
Прельщайтесь болѣе совѣтомъ — не хвалами.

На каждой лѣсенцѣ строкѣ находитъ тьмы красотъ,
Все нравится ему: связь словъ, ихъ оборотъ,
То счастьемъ упоенъ, то слезы проливаетъ,
Въ восторгѣ плавая васъ лаврами вѣнчаетъ
И въ будущихъ вѣкахъ гремитъ о васъ молвой:
У скромной истинны языкъ совсѣмъ иной.

Разумный другъ всегда и строгъ и непреклоненъ:
Едва сошли съ спѣзи, онъ тотчасъ неспокоенъ, —
Одной погрѣшности не хочетъ вамъ спустить,
На каждой малости готовъ остановить:
То рѣчи по мѣстамъ приличнымъ разставляетъ;
То пухлыя слова чернитъ и выгоняетъ;
Тамъ кажется ему мысль главная темна;
Тамъ слогъ шероховатъ, завязка не одна;
А далѣй стихъ нашелъ иль вялымъ, иль небрежнымъ.
Но стихотворецъ сей, какъ къ чадамъ машь, бывъ нѣжнымъ,
Всегда и кажду рѣчь съ горячностью любя,
Беретъ обиженныхъ защиту на себя.
„Возможно ли кричитъ — и это выраженье
„Вамъ низкимъ кажется? Какое заблужденье! —“
Здѣсь слово холодно, не лучшели оттѣнитъ?
„Напрошивъ — въ немъ весь даръ согласіемъ плѣнитъ.“
Вотъ эти бы мѣста .... „Всѣ ахаютъ надъ ними.“
Итакъ прельстяся самъ способностьми своими,
Ни въ чемъ себя никакъ не можетъ осуждать,
Любимый навыкъ въ немъ — ни слова не марать.
А ищетъ быть судимъ судьею безпристрастнымъ,
И съ лирою своей вамъ хочетъ быть подвластнымъ.

*

Но всѣ сіи слова есть хитрой сѣти нить,
Дабы васъ къ слушанью стиховъ своихъ склонить.
Потомъ разкланявшись лицемъ самодовольнымъ,
Бѣжитъ ихъ прочитать глупцамъ себѣ подобнымъ,
Которыхъ, по грѣхамъ, вездѣ, всегда не нѣтъ!
Не менѣе теперь вралями полонъ свѣтъ,
Какъ и ласкательми ихъ подлыми обиленъ:
Не только въ *городкахъ*, ихъ голосъ такъ же силенъ
У Графовъ — у Князей — и даже у Дворовъ.
Несноснѣйшій поэтъ несноснѣйшихъ стиховъ,
При каждомъ времени въ своихъ твореньяхъ вздорныхъ,
Поддерживаемъ былъ толпою лицъ придворныхъ.
Сверпу сатирою: и самые глупцы
Глупѣй себя найдутъ, вiющихъ имъ вѣнцы. —

ОТРЕЧЕНІЕ.

(Переводъ).

Увянь душистый лавръ, зеленый,
Вплетенный вновь въ мои власа!
Спади — какъ молніей сожженный —
Не ты главѣ моей краса!
Спади! — да съ прахомъ ногъ тебя моихъ смѣсю!

*

Изсякни для меня прозрачный
Кастальскихъ, сладкихъ водъ ручей;
Пусть славою упишься алчный
Прохладой манится твоей:
Я водъ твоихъ вкусить не жажду.

*

Порвитесь струны на цѣвницѣ!
Почто мнѣ гласъ созвучный данъ?
Почто мнѣ почесть, какъ пѣвицѣ?
Почто хвалы далекихъ странъ?
Какъ эхо въ пустотѣ, онѣ во слухѣ гибнутъ.

Что мнѣ вселенной удивленье?
Что цѣпь вѣковъ? Потомства гласъ?
Мнѣ миръ — единыхъ успѣхъ движенье;
Мнѣ цѣпь вѣковъ — единый часъ:
А почести — а слава ... дымъ.

*

Вонъ тамъ — на твердомъ основаньи
Воздвигнутъ изъ алмаза храмъ;
Его сверкающи сіяньи,
Подобно Фебовымъ лучамъ,
Изъ края въ край вселенну озаряютъ.

*

Вокругъ его сонмъ игръ — веселья;
Внутри поставленъ мой кумиръ:
Туда хожу на поклоненья,
Тамъ звуки извлекаю лиръ,
И гласъ прерывистый съ перстами соглашаю.

*

Кто легки облака перловы,
Отъ жертвъ ко храму возсылалъ?
Кто свѣжіе вѣнцы лавровы
Къ стопамъ кумира полагалъ?
Кто розы, мирты несъ — лилеи и жасмины?

*

Не яль, роскошной Флоры ткани,
Къ нему перенесла на тронъ?
Но что кумиру почесть, дани? —
Изваянъ изъ металла онъ:
Къ мольбѣ — къ куренью — къ фиміамамъ хладенъ.

Вопще мастики благовонны
На жертвенномъ я жгу огнѣ;
Вопще слагая гимны спроины,
Пою хвалы ему одинѣ:
Ни устъ движенья нѣтъ — ни вѣждъ въ неблагодарномъ.

*

Что смертныхъ степени? что слава?
Что громъ похвальныхъ, пышныхъ словъ?
Надменныхъ хладная забава:
Мечта помѣшанныхъ умовъ!
Гордецъ чуждъ радостей — средь славы часто стонетъ.

*

Взгляни! Мидасъ златолюбивый
Томится златомъ окруженъ;
Палъ съ высоты Икаръ кичливый,
За буйный замыслъ пораженъ;
Рвутъ дерзскаго грудь Промефея враны.

*

Орфей не гнался за мечтами,
Не ставилъ въ славу сердца хладъ;
Взгляни! Онъ помѣщенъ съ богами:
Его любовь почтилъ самъ адъ —
И Флегетонъ кипѣть — и псы зіять престали.

*

Претятъ ли боги къ ощущеньямъ,
Препятъ ли сердце отверзать?
Ко гласу лирному, къ моленьямъ,
Препятъ ли смертнымъ слухъ склонять?
Не искра ль божества ихъ грудь блюдетъ отъ мраза?

Умолкни лира тихозвучна!
Почто твой слабый гласъ? — Престань ...
Съ металломъ твердость неразлучна;
Съ кумиромъ — жертвъ маститыхъ дань;
Со мной могильный мракъ, и тишина усопшихъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ЦИКЛОПЪ, Идиллія. (вольный переводъ Ѳеокрита). 1.

ЛИВІЯ, Идиллія. (Переводъ). - - - - - - 7.

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ. (Переводъ). - - - 10.

КЪ БОГИНѢ СНОВИДѢНІЙ. (Переводъ). - - 18.

НА ВЫСТУПЛЕНІЕ РОССІЙСКО-ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЙСКЪ. - - - - - - - - - 21.

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ГРОБНИЦЫ ВЕЛИКИХЪ: ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I и ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРѢПОСТИ. - - - - - - 26.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО. - - - - - - 27.

ЕИЖЕ. - - - - - - - - - - - 28.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ. - - - - - - - - - 29.

СУМЕРКИ. - - - - - - - - - - - 30.

ВИДѢНІЕ ДАМОНА. - - - - - - - - - 34.

КЪ ПОРТРЕТАМЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ АЙЮ. - 39.

БРАТУ МОЕМУ. - - - - - - - - - - 40.

НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ НИКОЛАЯ-ПЕТРОВИЧА ХЛѢБНИКОВА. - - - - - - - - - 42.

СЪ ПРИМОРСКАГО БЕРЕГА. (Переводъ). - - 43.

ЮНОМУ ПОЛЛУКСУ. (Переводъ). - - - - - 46.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ АПОЛЛОНОМЪ И МУЗОЮ БѢДНАГО СТИХОТВОРЦА. - - - - - 50.

РАЗГОВОРЪ У ОБЩЕСТВА СО ВРЕМЕНЕМЪ. - 52.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРОХОЖІЙ И ГОСПОДСКІЙ СЛУГА. Басня. - 53.

ВОЛЪ, ОСЕЛЪ И КОНЬ. Басня. - - - - 55.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ. При посвященіи ему слѣдующихъ I Сказки и III Басенъ. - 57.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЗОЛОТО. Сказка. - - 59.

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРИДВОРНЫЕ. Басня - - 63.

ЧУГУННЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ГОРШКИ. Басня. - 65.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА. Басня. - - - - 68.

ТѢМЪ, которые предлагали мнѣ писать гимны. 70.

МОЙ ПОРТРЕТЪ, СПИСАННЫЙ НА ДОСУГѢ ВЪ ОСЕННІЕ ВѢТРЫ ДЛЯ ПРІЯТЕЛЕЙ. - 72.

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЕСНЫ. - - - - - - 87.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ ИЗЪ Г. БОАЛО.

ПѢснь I. - - - - - - - - 91.

ОТРЕЧЕНІЕ. (Переводъ). - - - - - 101.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
12.	5.	Съ копьемъ при поясѣ,	Съ мечемъ при поясѣ,
14.	15.	рѣкъ: - - -	рекъ:
23.	2.	сынъ - - -	сынъ,
25.	7.	стретится, - -	стремится,
60.	7 снизу.	простенкой, - -	простенькой,
75.	4 снизу.	бога - - -	Бога

Сверхъ сего находятся еще нѣкоторыя типографическія, не столь важныя погрѣшности, которыя, въ надеждѣ на снизхожденіе читателя, здѣсь не вынесены.

H 50 88